

Аркадий МАКАРОВ

НЕ ВЗЫВАЙ К СПРАВЕДЛИВОСТИ ГОСПОДА

16+

@ЭЛИТА

Аркадий Макаров

**Не взывай к
справедливости Господа**

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Макаров А.

Не взывай к справедливости Господа / А. Макаров —
Электронное издательство "Аэлита", 2013

Роман начинается с эпиграфа: «Не взывай к справедливости Господа. Если бы он был справедлив, ты был бы уже давно наказан» – из святого Ефима Сирина. В романе использован собственный непростой жизненный опыт автора, что роднит с ним его центрального героя. Автор в своём романе показывает трудности становления личности молодого человека с романтическими взглядами на жизнь в маргинальной среде обитателей рабочего барака, где надо действовать по поговорке: «Хочешь жить – умей вертеться». И вертелся, и кружился центральный герой Кирилл Назаров, подражая по своей молодости более удачливым и лихим «молодцам» по барачному быту, пока его, после трагической смерти любимой девушки не взяла в армейские тиски служба в Советской Армии. Роман охватывает большой промежуток от окончания школы в советский период и до нашего жёсткого, сундучного и не всегда праведного времени, где уже взрослый инженер Кирилл Семёнович Назаров никак не может вскочить на подножку громыхающего и несущего неизвестно куда эшелона под именем Россия. Нечаянное знакомство с пожилой сельской учительницей переворачивает всё сознание Назарова и возвращает его к единственно верной цели – нашей православной Вере. Сюжет романа динамичен и написан хорошим литературным языком.

© Макаров А., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1	5
2	8
3	9
4	11
5	13
6	16
7	22
8	24
9	25
Глава вторая	28
1	28
2	31
3	32
4	33
5	36
6	40
7	43
8	44
Глава третья	47
1	47
2	50
3	56
Глава четвёртая	65
1	65
2	66
3	68
4	71
5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Аркадий Макаров

Не взывай к справедливости Господа...

*Не взывай к справедливости Господа. Если бы Он был справедлив,
ты был бы уже наказан.*
Св. Ефрем Сирин

Ах, мак, мак!.. Что же ты, мак, так неровно цветёшь?..
Русская поговорка

Часть первая

Глава первая

1

По осевой линии утренней прохладной городской улицы, не обращая внимания на голосящие в такую рань машины, шел человек в грязном, забрызганном кровью халате, и не мене грязной поварской шапочке. Налегая животом на коричневую, отполированную за долгое время руками деревянную перемычку, он толкал большую на автомобильных шинах тележку в сторону Центрального рынка города Тамбова.

На широкой платформе этого ручного «грузовичка», пугающие своей непривычностью лежали несколько лошадиных голов, сваленных кучей; в мёртвых глазах уже ничто не отражалось: ни синева свежего неба, ни городские дома, ни машины проносившиеся мимо.

Прохожие спешили мимо, но кто-то, нет-нет, да и оглядывался, озадаченный и удивлённый. Слишком необычна была поклажа, груз этот. Тамбов далеко не мусульманский город, и вряд ли незадачливый человек с тележкой найдёт спрос на свой товар. В мясных рядах рынка перекупщики обычно торговали всякими субпродуктами, но лошадиных голов до сего времени не встречалось.

В гривах, густых и длинных, запеклись зловещие чёрные стустки крови, и от этого зрелище становилось ещё более драматичным.

Зажёгся красный свет, и придурковатого вида мясник остановился со своей несуразной тачкой, там же, на осевой линии, победно поглядывая из стороны в сторону.

Это был, конечно же он, Федула, перекупщик разного рода отходов местного мясокомбината. Своеобразный маленький бизнес, – приварок от кипятка после варки яиц всмятку.

Напротив, ступив на бордюрный камень модными на тот сезон замшевыми кроссовками, остановился поглазеть на необычное зрелище человек среднего роста и возраста, вполне приличной наружности с дорожной сумкой на плече. Синие джинсы, чёрная майка под табачного цвета курткой-ветровкой на любую погоду, короткая поросль над верхней губой и по крутому подбородку, улыбочивый взгляд, – всё говорило о рассеянной жизни этого человека. По всему было видно, что он из молодящихся старых холостяков, которые в последнее время часто встречаются в обезличенных и суетливых городах современной России.

Быт превращается в азартную игру, когда бесстрастное колесо Фортуны виток за витком сучит пряжу жизни, и чем быстрее обороты, тем суровее нить. Подменяются понятия и при-

оритеты. Гораздо важнее семьи вдруг оказалась личная свобода, свобода греха и свобода во грехе. На хлынувшем к нам рынке и то, и другое ценится особенно высоко.

Рядом «купи-продай» заполняли торговую площадь, лёгким матерком переругиваясь между собой. Разминали от тяжёлой ноши с товаром затёкшие руки. Подшучивали друг над другом. Молясь об удаче, занимали свои привычные места.

«Ты всегда в ответе за тех, кого приручил» – этой формуле никто уже не верит...

Мясника с тележкой, расступившись, пропустили мимо, брезгливо оглядываясь на его товар.

Там в тележке, обнажив в затяжном ржании широкие жёлтые зубы, табунились кони, разметав по доскам свои жёсткие гривы. Возле обрубленных кровоточащих шей, эти чёрные гривы выглядели особенно жутко, в этом было что-то человеческое, бабье, не воспринимаемое сознанием.

По свежим надрезам можно было догадаться, что лошадей забили только что. Одна голова лежала в стороне и густая смоляная грива ещё не спутанных прядей волос в каплях запёкшейся крови была так похожа на девичью смятую причёску. Чёрный расширенный в предсмертном ужасе зрачок убитого животного неподвижно уставился в небо, в последний раз следя за плывущими облаками. Глаз медленно затягивался пеленой. Так большая осенняя слива покрывается беловатым налётом садовой пыльцы.

В девяностые годы рухнула привычная жизнь. Люди и лошади стали не нужны государству. Лошадей резали на мясо, а людей морили отравленной водкой и голодом...

Человек сделал резкое движение в сторону странной тележки, вскинул было руку, но тут же её опустил.

Зажёгся зелёный свет и тележка, и машины снова, тесня друг друга, тронулись в путь.

– Федула! Конечно Федула! Кто же ещё? – бормотал человек на тротуаре, безуспешно пытаясь прикурить от зажигалки, но кроме холостых щелчков из неё ничего не извлекалось. И человек нервно бросил сигарету и блестящую одноразовую безделицу в стоящую рядом урну «Ах, Федула!» – Он вскинул голову, снова всматриваясь в мелькавшую за машинами сторбленную фигуру в грязной поварской шапочке, махнул рукой и пошёл своей дорогой.

Всё увиденное: и конские головы с ощеренными зубами, и длинные, как сапоги с раструбами, лоснящиеся гладкие шеи, и тележка на резиновом ходу, и мухортый продавец конины, захлестнули воспоминаниями так, что он от волнения брал в губы сигарету, мял ее пальцами, выбрасывал и доставал новую.

А звали человека, что не мог от волнения унять руки, Кирилл Семёнович Назаров.

Так было отмечено в его богатой на записи трудовой книжке, которая вместо того чтобы лежать в сейфе отдела кадров, находилась в кармане ветровки вместе с паспортом и некоторым количеством дензнаков, дающих возможность спокойно прожить месяц-другой где-нибудь на живописной обочине большой дороги, ведущей в никуда.

Когда-то в пору бездумной юности молодой монтажник, недавний школьник Кирюша Назаров, долгое время жил с тем, кого он назвал Федулой, в одной комнате гнилого барака, приспособленного под рабочее общежитие.

Даже спустя много лет, воспоминания не отпускают и часто вламываются в сон по-бандитски, полуночным кошмаром, и тогда он вскакивает, вопя, с набитым ватным воздухом ртом в тщетной попытке первым успеть ухватить призрак за горло, пока он не повалил тебя. Но в судорожно сжатом кулаке только ночь, и ничего больше! И вот он сидит, ошалело, выкатив глаза, с трудом соображая, что это лишь тяжёлый сон, и в жизни всё неозвратно.

Это теперь с большого расстояния Назарову видна вся ничтожность его молодости. А тогда? Что тогда?

Тогда его жизнь цвела на городской окраине, на пустыре, как весенний одуванчик среди битого щебня и стекла, среди хлама и мерзости, как подорожник возле тысячи ног, шагающих рядом и каждый старается тебя придавить тяжёлой ступнёй.

Но понимание этого приходит тогда, когда ничего исправить уже нельзя...

А тогда, там, на городской окраине в дощатом продуваемом ветрами бараке, сидя на провалившихся панцирных сетках сиротских кроватей, застеленных кое-как мятыми простынями, ждали Кирилла не совсем трезвые товарищи. Форточка в крестообразной раме была выбита, а проём заткнут оборванным рукавом сальной телогрейки. Между рамами, чтобы не прокисла, стояла початая бутылка молока, там же – почему-то целая бутылка водки, а другая, початая, на краешке подоконника возле кровати Сереги Ухова, хорошего парня, но пропащего по жизни. Его потом в заиндевевшей тайге, пьяно шатаясь, как друга облапил молодой кедрч, да так и повалились они оба, братьями навек. А Кирилл Семёнович Назаров, прораб участка, с ужасом смотрел на красную разлитую гроздь рябины на снегу, прямо у самых губ Сергея, собутыльника по юности. А рябиновая гроздь всё будет расти и расти...

Всё было точно так же, как в его, Назаровым стихотворении о романтике:

«Вспоминают все романтику.
Надоедлив словесный зуд!
С эстакады в казённых ватниках
Мы смотрели рассвет внизу
Вспоминали, как, злобно ухая,
От медвежьих хмелея удач,
бригадира, Серёжку Ухова
Подминал под себя кедрч.
А романтики не было вовсе,
Просто в горле тяжёлый ком.
Просто нынче ватажная осень
Присыпала рассвет снежком.
И прораб не рассказывал байки,
Просто был он такой человек...
И топтали большие валенки
На морозе сыпучий снег.
Ночь валила нас на лопатки.
Стылой робы колючий лёд...
Отчего ж так печально и сладко
Память сердце моё сожмёт?»

К Федуле мы потом ещё вернёмся, уж очень он занозистую отметину оставил в жизни Кирилла.

Юность опрометчива и бездумна, за ошибки потом приходится расплачиваться высокой ценой, стоимостью в судьбу.

Кирилла Семёновича мы иногда будем называть Кирюшей и не только из-за его нереспектабельного вида, а потому, что так любила звать его родительница, да и он сам так называл себя при знакомстве. Общительный характер, весёлость нрава и холостяцкие замашки – будто не было за спиной суровой школы жизни – располагали к нему людей.

Кирилл лёгким шагом подростка повернул от центрального рынка в сторону вокзала на утренний поезд южного направления.

2

Если бы молодость знала...

Школьный вальс на выпускном вечере закружил Кирюшу Назарова до такой степени, что утром он никак не мог попасть ногой в растоптанную сандалию, а в животе поселилась беспокойная жаба, которая, противно торкаясь, так и норовила выпрыгнуть наружу.

Жабы, известное дело, живут там, где сыро, значит, не просох ещё счастливый обладатель аттестата зрелости, хотя ходики на стене уже показывали полдень.

«Круто вчера повеселились! Круто! Коль встречи были без любви, – разлуки будут без печали!..» – Кирюша попытался что-то сострить о прощальном школьном вечере, но чуть снова не упал в кровать. Оказывается, после вчерашнего застолья, в голове обосновались шустрые молотобойцы и сноровисто, не переставая, ковали и ковали железо...

Зря он сказал, что прощанье со школой было без печали. Напрасно это! Вместе со школой Кирилл Назаров расстался и с детством. Может быть, поэтому, получая из рук директора аттестат зрелости, он не удержался от той единственной и тяжёлой слезы, смывшей все его ребяческие проделки за долгие десять лет обучения. И школа его простила...

Жаба в животе и мастеровые ребята в голове неожиданно натолкнули его на мысль, что пить в таком возрасте, да и в любом другом, вредно и недопустимо. Но как было не выпить? Никак нельзя! Сам классный руководитель, добрейший «Никиток», прозванный так ребятами за свой маленький рост, и тот ладонью рот утирал, ласково поглядывая на накрытый и весь в цветах, широкий стол. Там, за лопушистыми букетами и коробками с тортом, робко прятались не одни только бутылки шампанского. Шампанское – это так, для вида, кислятина! Водка у старосты и золотой медалистки Ляльки Айзенберг под присмотром, в объёмистом портфеле потела.

Откуда такая, то ли немецкая, то ли еврейская серьёзная фамилия в русской глубинке?

А очень просто: мать Ляльки была в Москве лимитчицей вот и подцепила вместе с Лялькой и такую фамилию, которая оказалась не более, как кличка, прозвище, потому, что мать Ляльки имела фамилию, что ни на есть русскую – Расстегаева. С этой фамилией она и воротилась на родину в виду полного и окончательного разрыва всех отношений с «этим грачом носатым», но фамилию дочери оставила, как воспоминание о своём звёздном часе. Лялька – своя баба, хоть и круглая отличница. Сказала – «Напьемся!» Вот и набрались помаленьку, аж вспоминать – всё не вспомнишь!

Чтобы не ворошить в голове кудрявую пыль вчерашнего вечера, Кирюша потихоньку, не осложняя утро разговорами с матерью, которая возилась в палисаднике, задами и огородами, кустарником, росшим прямо по берегу Большого Ломовиса, спустился к воде.

Большой Ломовис – это гордое название малой речки, с крестьянским упорством роющей чернозём на Великой русской равнине в окрестностях села Бондари.

Вот тоже название села совсем неподходящее к роду деятельности его обитателей; здесь никогда бочек не делали – село степное, старинное, бывший фабричный посёлок, упрощённый в годы Великого Перелома до простого сельского районного центра. Тацкую суконную фабрику в большевистском азарте взорвали, уникальные станки свезли в металлолом, кирпичный щебень растащили местные жители на свои нужды. Один ветер остался гулять в жгучем бурьяне выросшем на старинном фундаменте. А народ, не приспособленный к деревенскому быту, остался перебиваться кто чем.

Жили...

Несмотря на середину июня, день был холодный и ветреный.

Вода на реке покрылась мелкой рябью, как обнажённое тело Кирилла мурашками. Но что делать? Приводить себя в порядок надо, и парень глухо ухнув, ушёл под воду, туда, где били родники.

На опохмелку – нет ничего лучше ледяной ванны, это знает всякий, кто перемогается по утру.

Поплескавшись в омутке до зубного перепляса, Кирилл бодро натянул майку, брюки и с независимым видом, не спеша, пошёл объясняться с матерью по поводу своего вчерашнего вида.

Мать занималась прополкой грядок и не сразу заметила сына, который вопрошающе смотрел на неё.

– Мам, вот я весь!

– А, проснулся гуляка! Пойди, поешь! Я тебя вчера ждала, ждала со школьного вечера, да так, не дождавшись, и уснула. Небось, поздно пришёл?

– Нормально. Ещё петухи не кричали!

Кирилл обрадовался, что мать его непотребностей не видела. Пришёл когда – не помнил, заспал, видать.

От вчерашнего действия с золотой медалисткой Лялькой до сих пор – только наболевшие губы да сладкое томление. Она позволила ему напоследок дать волю рукам – всё равно завтра уезжала в Москву, к тёте. Там университет, там новые друзья. А Кирюша – что? Детский эпизод в жизни! Можно и оторваться!

И Лялька-медалистка по загадочной фамилии Айзенберг, оторвалась так, что в кармане у Кирилла остались от вчерашних забав кружевные трусики, лёгкие и прозрачные, как от легкой затыжки туманная дымка в кулаке.

Эх, Лялька, Лялька! Хороша ты девка, да только на передок слабовата! Она свою любовь растиражирует, как американская система – доллар, это Кирилл, по сельскому разумению и воспитанию, знал точно.

Без отца рано повзрослевший подросток был приметлив в жизни, рукаст на работу по хозяйству, уважителен к матери, хотя с детских лет возле её юбки не ошмыгивался, как некоторые.

Отец затерялся на Великих стройках коммунизма. Подбросил сына к небу, поймал, передал матери, взмахнул рукой – и только спина его широкая так и осталась в цепкой памяти мальчугана.

Дома о нём мать разговоры не заводила, и он постепенно исчез из их жизни. Только вот нет-нет, да и заслонит Кирюше солнце та самая спина в сером ватнике...

3

Время шло, и Кирилл вырос, через день бритвой на щеках пушок пробует, скоблит. Значит и ему выпадет топтать отцовы дорожки. А пока он в родном доме, и ничего-то знать не хочет о будущем.

В глубине души своей Кирюша самый настоящий поэт, хотя и боится признаться себе в этом. Стихи сочиняет с детства, но никому не показывает. Поэзию ставит так высоко, что и мечтать о том не смеет. Можно было бы отправить свои первые стихотворные опыты в приёмную комиссию Литинститута, но страх быть непонятым его останавливает...

Учиться конечно надо, но, в крайнем случае, и рабочим прожить можно в стране Советской, где труд в самом невозможном почёте.

В Тамбове один институт, и тот педагогический. А Кирюша решил поступить в строительный. Получить мужскую профессию, строить в туманной тайге новые города. Достал спра-

вочник учебных заведений, строительный институт оказался в Воронеже, туда он и собрался ехать подавать документы.

– Сынок, а что же ты на учителя не хочешь идти? Работа лёгкая, почётная, всегда чистая. Возвёрнёшься после окончания института и у нас в школе будешь работать. Со мной жить будешь. Поступай, сынок, на учителя, а...

Кирилл обнял мать за плечи – ой, какая же она маленькая да лёгонькая! Прижал к себе, поцеловал в голову:

– Ничего, мамка, закончу институт и тебя с собой заберу. В Сибири места много. Города новые! Туда уедем! Я инженером буду работать. Деньги там, говорят, хорошие платят. Заживём с тобой!

– Зачем же нам Сибирь, Кирюша? Разве у нас в Бондарях хуже и места мало? Живи – не хочу! А деньги теперь везде платят. Без денег никто не работает. Вон твой дружок, Колька Юрасов, на комбайне за один сезон «Жигули» заработал, а всего семь классов только и окончил! Может, и ты на комбайн пойдёшь? Я с директором совхоза поговорю, он тебя пристроит. Рабочие руки везде нужны. Может, останешься?..

– Не! – помотал упрямой головой сынок её, Кирюша. – Птице даны крылья для полёта, а человеку – молодость! – Вставил он хрестоматийную замысленную фразу. – Завтра еду документы сдавать в Воронеж. Ты мне на дорогу денежек дай!

Кирюшина мать работала дояркой в местном совхозе. Ударницей была. Зарплата хорошая. Один сынок, как зрачок в глазу, неужто откажешь, да на такое дело?! Пусть учится, ума набирается. Вот не женился бы только рано... А так, что ж, пусть уезжает. Не век ему подолом нос утирать! Вырос. Весь в отца! – Вспомнив про гуляку-мужа, она в испуге перекрестилась. – Не дай Бог, не дай Бог!

Погулял последний вечерок Кирюша в Бондарях, походил по бондарским пыльным улицам. Попрощался с кем надо, а с кем не надо пообжимался за клубом.

– Лялька Айзенберг, – сказал ему «по секрету» Колька Юрасов, – ловить петухов гамбургских в Москву укатила. Вот сука!

Почему Лялька сука, Кирилл допытываться не стал, было и так видно, что Колька не в себе – суетится, словно всё время куруево по карманам ищет, и говорит невпопад.

До Воронежа можно доехать только поездом из Тамбова, поэтому Кирюша поднялся утром так рано, как давно уже не поднимался. Сколько себя помнил, учился во вторую смену, уроки делал по вечерам, а утром спал, до тех пор, пока мать позволяла. А, мать, известное дело, – потатчица!

А сегодня Кирюше, по паспорту Кириллу Семёновичу Назарову, надо успеть на первый рейс автобуса до Тамбова. Дорога не то чтобы дальняя, но около сотни километров будет, – по дороге доберёт, что не доспал утром.

Вот и автобус, маленький, межрайонный, дребезжит всеми суставами, но бежит по русскому раздолью резво, беги – не догонишь!

Кирюша уселся у самого окна, настроение лирическое. Бывают у него иногда такие моменты, что рифмы сами в голову как пчёлы в улей лезут, и стихи тогда получаются. Вот и теперь получилось что-то вроде дорожных стансов.

Был когда-то давно, в пушкинские времена, поэтический жанр такой – дорожные жалобы:

«Вот дорожка – стрела калёная!
Только камешки – под откос!
Ах, автобусы межрайонные,
Как печален ваш бывший лоск!
У дорог, знать, крутые горки.

У шофёров – крутые плечи.
Пахнут шины далёким городом
И асфальтом..., и близкой встречей».

Сидит Кирюша, посматривает на привольный зелёный простор и не чувствует, что не более как через сутки, жизнь его переменится коренным образом.

Освещённый восходящим солнцем Тамбов с золотыми куполами храмов, словно парит в зелёном убранстве парков и раскидистых вётел над высоким левым берегом тихого канала не менее тихой реки Цны.

...Приехали!

Широкие улицы будоражат воображение деревенского паренька неповторимыми запахами разогретого асфальта, бензиновой гари. Кажущаяся праздность, суматоха, многолюдье захлестывают Кирюшу. Всё это так непохоже на будничную степенность его села.

Он даже слегка растерялся, выйдя из автобуса на площадь перед автовокзалом, который тогда располагался в полуразрушенном здании на месте нынешней величественной филармонии с её сказочным фасадом.

Оглянувшись выпускник бондарской средней школы вокруг себя и не нашёл ни одного знакомого лица. Пусто и неуютно стало на душе. Гадко, словно набедокурил, сделал что-то нехорошее, противное: не простился, как надо с матерью, вчера в кустах обидел соседку, молодую да раннюю Инку Ёнину. Хотя Инка и сама была виновата, но – малолетка, вот совесть и мучает – зачем тискал там, где совсем не надо было? Сплошной разврат!

Кирилл брезгливо сплюнул себе под ноги и свернул за угол к главной улице города – Интернациональной.

В конце той самой улицы, запирая её с торца, расположился с многочисленными ларьками и пристройками старинный кирпичной кладки железнодорожный вокзал.

Кирилл поспешил туда – надо успеть на поезд до неведомого города Воронежа. Тамбов останется, а поезда уходят. И он, не обращая внимания на местные достопримечательности, прихватив на ходу у мороженщицы стаканчик пломбира, целенаправленно зашагал к вокзалу.

4

Но спешить ему сегодня было уже незачем.

Единственный поезд, проходивший через Воронеж-Тамбов-Новороссийск, час назад как благополучно отбыл от пропахшего мазутом и машинной гарью, истоптанного ногами, перрона.

Ушёл поезд – шпалы, шпалы...

Кирюше Назарову оглядеться бы вокруг себя, остановиться, и тогда у судьбы не было бы соблазна...

Когда Кирилл по дороге на вокзал торопливо покупал у лотка мороженое, за ним незаметно пристроился какой-то малый постарше него, если судить по очень уж уверенной поступи и зоркому глазу, который вряд ли пропустит «случайные черты».

Расплачиваясь с продавщицей, Кирилл вытащил из бокового кармана, пошитой матерью вельветовой курточки, деньги, рассчитанные на дальнюю дорогу, протянул одну бумажку продавщице, а остальные небрежно сунул снова в карман.

Приметливый да липкий глаз мог без труда определить, что деньги лежат не в самом подходящем месте до той поры, пока лежат.

Теперь, в широких дверях вокзала тот малый снова столкнулся с Кириллом. Что-то мыча, стал показывать исписанный газетный лист, тыча пальцем в строчки. Из того, что было напи-

сано на листе, Кирилл понял, что парень глухонемой и спрашивает, как доехать до областной больницы.

Малый хватал его за плечи, стараясь развернуть к улице, размахивал руками и вёл себя очень возбуждённо. Попридержав руки глухонемого, Кирилл стал объяснять ему, что сам не знает туда дороги. Жаль было парня.

Тот дружески потряс его за плечи, весело загыгыкал и сразу же скрылся в толпе толкущихся на перроне людей.

И вот, узнав по расписанию, что его поезд ушёл, Кирюша, особенно не расстраиваясь, подался искать кассу предварительной продажи билетов, чтобы заранее заручиться проездной бумагой на завтра. «Как-нибудь день перекантуюсь, ночь можно и на вокзале переспать, а утром как раз – и на поезд!» – бодро решил он, поворачивая по указателю к кассам.

Вдруг, возле пивного ларька он увидел того глухонемого, который теперь весело балагурил с продавщицей, не спеша, отхлёбывая из пенной кружки.

Рядом на шатком столике торчала во всей красе ещё не початая бутылка водки и промасленный свёрток с закуской.

Кирилл машинально схватился за карман, но денег там не обнаружил. Всё стало на свои места – вор ворует, а лох ушами хлопает...

От обиды потемнело в глазах:

– Ах ты, гад! – Кирилл крепким торчком в скулу, сбил обидчика с ног.

Тяжёлого стекла кружка, ударившись о бордюрный камень, разбилась, обдав, брызгами туфли проходившей женщины.

Та, от неожиданности шарахнувшись в сторону, свалила колченогий столик вместе с бутылкой и свёртком.

– Ах! – всплеснула руками и боязливо засеменила к дверям вокзала.

Бутылка, не разбившись, откатилась в сторону.

– Ты чё? Ты чё? – Поднялся с четверенок малый. – Я шутю! Вот твои башли! – Он достал из кармана горсть мятых денег и протянул Кириллу.

Судя по бумажкам, денег было немного поменьше, чем несколько минут назад у нашего путешественника.

На шум подошёл милиционер и схватил обоих за плечи:

– Ну, чего щенки не поделили?

Кирилл хотел было сказать стражу порядка, что вот, мол, задержал вора, но почему-то вместо этого виновато посмотрел на ловкача-карманника.

– Мы, эта... Игнали. Друзья! А у столика ножка подвернулась!

– Ну-ну! – Милиционеру явно не хотелось здесь на жаре выявлять виновных, и он молча пошёл в прохладу вокзала доигрывать партию в домино.

Когда милиционер скрылся в дверях, ловкий карманник закрутился возле Кирилла:

– А ты ничего себе, мужик, ломом подпоясанный! Удар – что надо! Ты кто?

– Конь в пальто! – решил поддержать разговор на равных Кирюша. – А ты кто? Спёр деньги, а мне в институт поступать надо! В Воронеж ехать!

– Э, да ты оказывается ботаник! Не школа делает человека человеком, а тюрьма, как говорил великий педагог Макаренко! – Малый поднял руку, показывая, какой большой человек был тот Макаренко. – Давай лучше её, целёхонькую, – он покрутил, неизвестно когда очутившуюся у него в руках бутылку, – раздавим. Всё равно на Воронеж поезда не догонишь! Сам виноват, что мой фокус пропустил! Как тебя матуха звала?

– Какая матуха? Мать что ли? Кирилл я! А ты?

– А! – махнул рукой малый, – Я – Яблон! Так и зови. Кликуха у меня такая – погоняло, – если по понятиям! Парень протянул узкую, как пенал руку. – Держи мосол!

– Держу... – Кирилл неуверенно пожал протянутую худую ладонь.

Вот так и перевела судьба стрелки направляющих рельсов, посчитав, что прямой и нака-
танный путь – не самый правильный и удачный в жизни сельского парня Кирюши Назарова.

5

Когда Кирилл с карманником на привокзальной площади в лопухах повалили бутылку
водки, им почему-то сразу же захотелось ещё, и Яблон повёл своего нового приятеля в город-
ской сад, где у него были свои ребята с хорошей, как он выражался, копеейкой, поэтому им
можно сесть «на хвоста» и «поторчать» ещё.

Поторчать, так поторчать, и Кирилл двинулся за своим случайно приобретённым другом.

Город – это не деревня, а деревня – вовсе не столица! У Кирилла знакомых в Тамбове не
было, да откуда они, эти знакомые у вчерашнего выпускника сельской школы?

Мозг семнадцатилетнего юнца больше похож на зелёный ещё грецкий орех, под скорлу-
пой которого, пока только выбираживает ядрышко, и не окрепли извилины.

Не то чтобы Кириллу нравилась отвязная жизнь, – а интересно!

Проявление такой любознательности не поощряется законом, но мальчишечье чувство
сопричастности с чем-то запретным щекотало нервы.

В те времена сборищем всяческой шпаны Тамбова была бильярдная комната в городском
парке, или горсаде, как его тогда называли. Шары там катали вовсе не за интерес, а за деньги,
не только юные борцы с законом, но и уважаемые, сделавшие не одну ходку за колючею про-
волоку, убеждённые экспроприаторы чужой собственности.

Конечно, воры в законе и другие авторитеты криминального мира имели на свой интерес
места и поуютнее, а всяческой уголовщине здесь было вольготно. Своя милиция не отличалась
любопытностью по обоюдной договорённости.

Ставки обычно соотносились со стоимостью водки, она здесь была обменной валютой.

За водкой услужливо бегала подрастающая смена из соседней школы.

Лагерная припевка: «А ты давай, давай, давай газеточки почитывай! А ты давай, давай,
давай меня перевоспитывай!» – здесь была в большом ходу.

Мальчишки всеми порами впитывали дух лёгких денег, свободы и преемственности
воровских законов.

Сходки редко обходились без мордобоя. До поножовщины в бильярдной, правда, не дохо-
дило – кто же здесь поднимет забрало? Иное дело исподтишка, да так, чтобы под ребро уко-
лоть. Уколоть – и отбежать. Уколоть – и отбежать. Вроде вовсе не при чём. Такая вот метода.

Это Кирилл стал понимать позже, а пока готовился с замиранием сердца попасть, как ему
казалось, в притон, в малину, где блатняками верховодит пахан, татуированный и с золотой,
непременно золотой фиксой.

Заплатив за входные билеты в парк, Кирилл со своим новым знакомым очутился на тихой
прохладной аллее, посыпанной жёлтым песочком. Деревья в большинстве своём были старые,
перевитые узлами былых ран, их ветви смыкались над головой, не пропуская жаркого солнца.
Высоко в кронах летучие зайчики света сноровисто прыгали с листочка на листочек, поигрывая
в салочки.

Справа от центральной аллеи, выстланный по дну цветной мозаикой располагался
небольшой бассейн с фыркающими фонтанчиками, с сумеречным гротом, из которого вот-вот
прыгнет в воду юная купальщица в красных трусиках и с крепкой грудью. Купальщица была
гипсовая и стояла здесь не один год, так и не осмеливаясь окунуться.

Теперь на этом месте уже не увидать молодую спортсменку над гладью бассейна. Бассейн
снесли при реконструкции парка, и теперь на этом месте пустота. Голо.

А купальщицу с крепкой девичьей грудью жаль...

В дощатом летнем сарае, приспособленном под бильярдную комнату, никого не было. Два белых больших плафона на потолке, как раз над зелёным сукном стола, высвечивали крутые, из настоящей слоновой кости, шары. Рядом, тоже на сукне, лежал длинный, захватанный руками кий с медным пистоном на конце.

Кирилл никогда не играл в бильярд, и имел о нем смутное представление. Он только знал, что удачно забитый в лузу шар, означает одно очко выигрыша, и чем больше забито шаров, тем больший выигрыш получит счастливчик.

Напротив бильярдного стола, у стены, стоял огромный диван, обтянутый коричневой под кожу клеёнкой.

– Во, бля, ни одного волчары! Замели их что ли? – Яблон сунулся куда-то в простенок, из которого тут же показалась мятая, небритая физиономия служки.

Служка в первую очередь стрельнул у Кирилла сигарету, заложил её за ухо и кивком показал Яблону в сторону ширмы.

Тот, матюкнувшись, тут же скрылся за тяжёлой бархатной портьерой красного цвета, которая, наверное, когда-то служила скатертью у партийного начальства, потому что на ней синели чернильные пятна и были характерные потёртости от письменных приборов.

За портьерой послышалась возня и несусветная матерщина.

Сначала показалась хищная физиономия Яблона, а за ней с заплывшими глазами лохматая цыганская голова с обмётанными нездоровым жаром губами.

Голова, наверное, ещё плохо соображала – где она, и что с ней? Глаза с голубыми белками на одно мгновение широко открылись, потом снова спрятались в набухших веках.

Наощупь пошарив у себя за спиной, малый тот, чуть постарше Кирилла, подхватил что-то тяжёлое, и вот уже в его неверных руках оказался прокопченный огнём и потёками чефира алюминиевый чайник с проваленными внутрь чахоточными щеками. Вероятно, чайник не однажды служил верным оружием нападения и защиты.

Подцепив нижней губой, просмоленный носик чайника, цыганок припал к нему и долго-долго не выпускал изо рта, так деревенские мальчишки обычно кормят своих сизарей.

Влив в себя какую-то жидкость, он упёрся в Кирилла недоумённым взглядом, потом лицо его мгновенно исказилось и стало злым и безобразным.

От его нехороших глаз Кириллу, несмотря на свою крепость в руках, сделалось как-то не по себе, и он машинально оглянулся на дверь.

Цыганок был такого же роста, как и он, но явная агрессивность делала его опасным и непредсказуемым.

«Всё, быть драке!» – без энтузиазма подумал про себя Кирилл.

Чувство самосохранения потеснило его к дверям, но было уже поздно. Смуглая рука крепко держала его за грудки, втаскивая туда же, за штору.

Мгновение – и у горла новичка этой берлоги оказался узкий, как шило, нож.

– А, сука поганая, попался! Я тебя щас в момент сделаю! – Цыганок, почему-то посмотрел за плечо Кирилла, туда, где стоял Яблон.

– Ты что, Карамба, поостынь! – Яблон подошёл к цыганку, спокойно взял у него нож, нажав кнопку на рукояти, сложил и сунул себе в карман. – Оборзел что ли? Разуй zenки, это же Иван Коровий Сын, колхозник из-под телеги. Чуешь, от него навозом пахнет? Ты его видать с Чибисом спутал. Похож, да не он! – обходя вокруг Кирилла, Яблон с кривой усмешкой подморгнул ему, растерявшемуся в этой жути.

Цыганок с пиратской кличкой означающей испанское ругательство, сразу же сменил тон на приятельский:

– Ну, давай клешню! – Он протянул случайно попавшему сюда сельскому парню свою блатную длань с растопыренными для солидности, тонкими и длинными, как барабанные палочки, пальцами в синеватых татуировочных перстнях.

Кирилл почувствовал в своей ладони влажную и холодную, несмотря на лето, ладонь тамбовского начинающего уголовного авторитета.

– Где ты этого мужика подобрал? – уже дружелюбнее спросил он у Яблона. – У, морда крестьянская! – Карамба теперь уже шутливо сделал из пальцев рогатку и наставил её прямо в глаза «крестьянской морде». Кирилл от неожиданности даже отшатнулся.

– Да так, засветились мы с ним маленько на вокзале, ага! Он, хоть и ломом подпоясанный, а ничего себе, масть держит. Меня мусорам не вломил, а мог бы...

Яблон протянул сигарету цыганку, и тот, закулив, вяло плюхнулся в старое клеёчатое креслице с рахитичными железными ножками.

– Ну, прям вылитый Чибис! Спасибо Яблону, что руку от греха отвёл, я бы тебя, как бабочку-капустницу на перо насадил. У меня с Чибисом свои счёты. Во, дела были бы! – то ли бравируя, то ли сожалея, что не пришлось среди бела дня пустить кровь, сокрушался Карамба.

Конечно цыганок, увидев возле своего товарища по игрищам и недетским забавам, незнакомого парня с растерянным взглядом школьника, проспавшего урок, решил подыграть, уркагана изобразить, мол, мне зарезать человека, как два пальца об асфальт! Главное, нагнать страху на своих, чтоб чужие боялись.

Что и удалось сделать в полной мере.

Яблон стоял, посасывая сигарету, и неопределённо хмыкал; то ли одобряя действия цыганка, то ли посмеиваясь над растерявшимся сельским парнем.

– Пивка притаранил бы, ага! – «уркаган», который только что грозился воткнуть «перо» в горло Кирилла, теперь, как ни в чем ни бывало, миролюбиво кивнул ему, мол, видишь, какое дело, – голова, как седалище, не варит. Вылив остатки чефира прямо себе под ноги, он протянул чайник Кириллу.

– Я бы сам сходил, да причесаться нечем, расчёску дома забыл. Иди, иди! Рыгаловка прямо через дорогу. Зелёный ларёк. Дуська там торгует. Скажи: «Карамба велел чайник под крышку залить, а то – сам придёт. Так и скажи: «А то сам придёт!» Давай, давай, топай!

Кирилл, прихватив чайник и радуясь, что угроза миновала, выскочил на улицу. Если просят пацаны, как не уважить? Уважу!

Пивной ларёк-скворечник стоял в той стороне, где находились незамысловатые аттракционы: кольцо обозрения, каруселька для детей, лодки-качалки, зеркальная комната смеха и ещё какие-то хитрые устройства для отработки удара молотом.

К ларьку тянулась, змеясь, очередь из недружелюбных, угрюмых людей, для которых глоток пива в такую жару – жизненная необходимость. Очередь глухо ворча и, не двигаясь, топталась на месте.

К «Дуське» не подойти, собьют с ног.

Постояв несколько минут в конце очереди, Кирилл плюнул на это дело и пошёл к дощатому ресторану напротив, где будет пиво с наценкой или, на крайний случай, сухое вино, которое тоже охмеляет – я те дам!

После всех треволнений у Кирилла в горле до того пересохло, что официантка в ресторане не сразу поняла, что он хочет.

Кирилл выложил деньги сразу за три бутылки болгарской «Монастырской Бани», чтобы сразу угодить новым знакомым.

Вино – повалить – не повалит, а форс будет.

В одной руке битый чайник, в другой прижатые к груди бутылки, таким он и ввалился снова в бильярдную, где его с нетерпением ждали новые знакомые, лихачи по обличию и манерам.

Яблон сидел на зелёном сукне стола, перекатывая в ладонях бильярдные шары, а цыганок, по прозвищу Карамба, беспокойно крутясь на табурете, что-то втолковывал пожилому служителю, который на его слова божился и виновато оглядывался по сторонам.

Все повернулись на вошедшего Кирилла.

– Ссаки! – Подхватив бутылку, Карамба подбросил её и тут же ловко поймал. Дотянувшись до лежащего на столе кия, он нацелил его латунным концом на бутылочную пробку и сильно надавил. Пробка с лёгким всхлипыванием провалилась, выбросив из бутылки красный фонтанчик вина. Присосавшись к длинному и узкому горлышку заморской посуды, Карамба, как поющий во славу дня кочет, закрыв глаза, стал вливать в себя чуть отдающий алкоголем напиток.

Через короткое время бутылка полетела в ящик с мусором стоявший в углу.

Служитель, печальным взглядом проводив бутылку, откуда-то из-под стола достал шербатый стакан, протёр его концом потной рубахи и поставил на зелёное сукно.

Кирилл протянул две оставшиеся бутылки Яблону. Тот одну отдал, сразу оживившемуся служителю, а другую, зажав между скрещенных ног, средним пальцем стал топить неподатливую пробку. Наконец она, сыто чавкнув, проскочила внутрь бутылки.

Яблон налил стакан всклень и дружелюбно протянул Кириллу:

– Гонцу – по рубцу!

Кирилл, хоть и жил в селе, но никогда не пил из такой мерзопакостной посуды. Чтобы не показаться привередливым, он, стиснув от брезгливости зубы, медленно стал цедить вино, которое на вкус было мягким и чуть сладковатым. От второй порции он отказался.

Служитель суетливо подхватил склянку и тут же, торопясь, опрокинул стакан в себя. Яблон только удивлённо поднял глаза:

– Ну, ты и фраер!..

Раскрутив в бутылке оставшееся вино, он с явным удовольствием выпил всё до дна.

– Ба-бу-бы... – дурашливо по слогам протянул он, утираясь рукавом, явно бахвалясь перед новеньким.

– А чё! Махнём на Эльдорадо! Там любую чуву закадрить можно. Воскресный день! – сразу оживился цыганок.

Его синеватые белки глаз подёрнулись томной влагой. По всему его облику было видно, что вино сделало его вновь человеком. Он, словно воспарял в воздухе – обыкновенный удачливый уличный малый, но если взглянуть – шпана подзаборная.

– А, что за место такое – Эльдорадо?

Эльдорадо, как Эльдорадо, посреди чернозёмной России – недостижимая мечта американских переселенцев. Золотая Страна Солнца, волшебная земля под Тамбовом. Небольшой лесистый остров посреди реки с названием, напоминающим любовный поцелуй. Цна – тихая, как женщина во сне, обняла и захлестнула живописный, заросший огромными, помнящими ещё дику мордву дубами, остров, где по ночам стаи русалок кружат хмельные головы тамбовским парням. Дубы чёрные от времени. В густых травах под ними до сих пор обитают чудные каменные божки, которые, шмыгая между деревьями, безутешно ищут свои моленные алтари. Ищут и не находят покоя. Забыли дороги к священным капищам. Нет пристанища. Нет больше почитателей и молельщиков...

6

Остров этот на Цне остался совершенно нетронутой частью древнего ландшафта. Травы и всякие растения, исчезнувшие с окультуренных земель лесостепной полосы, нашли здесь хорошее убежище от навязчивых рук человека.

Можно кружить по острову часами, наслаждаясь невнятным лепетом листвы над головой, птичьим благовестом, непредсказуемым полётом бабочки, шмелиным басовитым гулом. Только нагнись, и у самых ног протечёт холодная струйка ужа или полоза, сухо прошуршит юркая ящерка.

По утрам, в ранний час, когда солнце стягивает с заспанной земли белёсое одеяло тумана, тяжёлого, пропитанного ночным дурманом, рассказывают бывалые рыболовы – щуки выходят мышковать в отяжелевшие росой мятые травы. Спутанные корни горбатых вётел уходят прямо в воду, комкая в глубине синеватый вязкий ил, где белопузые жирные налимы лениво чешут бока об их узловатые корневые лапищи, прячась от дневной жары.

Плавное течение реки несёт и качает небесный свет, в котором опрокинутый коршун одиноко сушит крылья. Глянешь в такую глубину и сам закружишься вместе с коршуном в чистой лазури, тоже невесомый и тоже одинокий...

В праздничные и выходные дни здесь шумно, полно народу: молодой, здоровый смех, яркие купальники, беззлобные матерки уже подгулявших людей – мы славно поработали, мы славно отдохнём! Выездной буфет с избытком обеспечивает такую возможность. Рыбья мелочь выскакивает пультками из воды, брызжет в разные стороны, кто куда.

Метнётся испуганный коршун и спрячется за первое попавшее облачко переждать людской гомон и суету.

В будние дни остров пустует. Природа отдыхает до следующих выходных, предоставленная самой себе. Снова спокойно парит коршун, снова качается в заводи опрокинутое небо, и тихая речка Цна несёт белое облачко лета куда – неизвестно. Снова мордовские языческие божи, шушукаясь в травах, печалются и горюют о прошлых днях.

Да, природа не терпит суеты.

Молодым ухарям на весёлое дело собраться – только подпоясаться.

Спустившись по набережной к реке, они добрались до лодочной пристани, где тёрся ржавым боком о бревенчатый причал маленький прогулочный пароходик, вернее – речной катер, который регулярно, через каждые полчаса отправляется к острову Эльдорадо, доставляя туда новую порцию отдыхающих, чтобы обратным рейсом взять на борт уже основательно подгулявший народ.

Плыть речным катером по живописным местам – одно удовольствие! Закручивая тугими жгутами воду за кормой, спаренные двигатели машины резво толкают катер вперёд, унося на себе нервную в предвкушении наслаждений публику в золотую страну Эльдорадо. Под огромным брезентовым навесом, прикрывающим палубу от палящего солнца и дождя, на брусчатых диванчиках сидят люди, многие семьями, с детьми, любуются проплывающим мимо, теперь вроде и незнакомым городом: зелёным и высоким берегом Цны, старинными зданиями, нависшими над водой плакучими ивами.

Но вот уже проплыл белоснежный дворец бывшего фабриканта и купца Асеева, оставившего городу, несмотря на последствия революции и всяческих перестроек, романтическое воспоминание о прошлом в затейливых башенках, флигельках, лепных украшениях. Позади осталась и Покровская церковь, сверкавшая в небе жаром своих золотых луковиц.

Пароходик вырулил на свободную, широкую воду, резко развернулся в сторону леса, где на высокой волне качались жёлтые и белые блюдца кувшинок и лилий, где огромные раскидистые деревья кланялись в пояс красавице речке. И совсем не верилось, что стоит оглянуться, и – вот он, город с пыльным и душным асфальтом, с гулом надоедливых машин и вечной суетою.

Пароходик коротко, с одышкой, свистнул, предупреждая о скорой встрече с островом.

Кириллу, несмотря на притупленное вином и густыми впечатлениями сознание, было всё интересно. Он никогда здесь не был, и теперь с удовольствием смотрел, как расступается вода, далеко в обе стороны раздвигая берега и открывая наполненный небом простор. Он был в восторге и мысленно благодарил и Яблону, и даже жуткого в своей опасной игре цыганка с таким непривычным русскому слуху прозвищем – Карамба.

Забыв обо всём на свете, Кирилл беспечно крутил головой, поддакивая невпопад сальным шуточкам своих новых товарищей.

Юношеская неосмотрительность при выборе знакомых потом оставит саднящий отпечаток на его судьбе.

Солнце перевалило за бугор, но, несмотря на лёгкий встречный ветерок, всё ещё было жарко.

Пароходик нырнул в благодатную прохладу деревьев, склонённых над тихой заводью.

Народ ещё не совсем утомлённый солнцем забавлялся на берегу; ребяташки играли в свои игры, взрослые – в свои.

Прямо у самой воды на дощатом помосте в тени деревьев, буфетчица, пожилая крупная баба, изнывая от жары и безделья, сидела, свесив полные ноги в тёмную воду. Пустые ящики свидетельствовали, что сегодняшний выходной удался. Пара бутылок, поваленных рядом с ней в траве, ждала своих охотников поспорить с трезвостью. Несколько банок консервов, коляска потной колбасы, куски невостробованного хлеба жарились на солнцепёке в фанерном ящике из-под спичек, но ни воды, ни лимонада не было.

Без головной боли о завтрашнем дне, с полного одобрения своих новых друзей, Кирилл взял у бабы бутылку водки, пару банок трески в томате – закуска что надо, и несколько ломтей ржавого, зачерствевшего на воздухе хлеба.

Расположились здесь же, у самой воды, сунув в мокрый песок нагретую на солнцепеке водку. Хлеб и консервы разложили на траве. Там и сами разделись в предвкушении улады от хорошей выпивки и водных процедур.

Осталось для полного удовлетворения возросших желаний найти стайку малолетних дур и с ними без лишних уговоров позабавиться. Для этой цели, оставив Кирилла, сторожить место, его товарищи отправились вглубь острова, откуда слышались нетерпеливые повизгивания и громкие выкрики.

Не успел Кирилл окунуться в воду, как друзья уже возвратились в обществе двух молоденьких девиц с обвисшими мокрыми после купания волосами, и может быть, оттого таких невзрачных.

Все четверо чему-то весело смеялись и разговаривали так громко, что дремавшая в тенёчке буфетчица, недовольно проворчала, опасливо поглядывая на остатки нереализованной продукции.

С дурашливым жестом заправского ухажёра Карамба предложил девицам располагаться, «как у себя дома, и отметить такое неожиданное и красивое знакомство». К удивлению сельского простачка, вчерашнего выпускника школы, Кирилла Назарова, девицы, не ломаясь, согласились. Но выразили сожаление, что нет «стаканов», а пить водку из «горла» им ещё не приходилось. Но Яблон тут же развеял их опасения, смахнув в один момент из-под бдительного ока буфетчицы расписанный красными розами тонкий стакан.

Повертев его в руках, он выдул из него соринки и протянул цыганку.

Девочки сразу оживились, суетливо стащили прилипшие к телу мокрые сарафанчики и улеглись рядом. Сразу стало ясно, что эти купальщицы ручные и с ними особых проблем не будет. Кирилла, их быстрое привыкание не воодушевило, но друзья были несказанно довольны и наперебой пытались за ними «поухаживать».

– По-первой! По-первой! – Карамба зубами отстегнул пробку и, вылив почти полбутылки, наполнил до краёв емкую склянку.

Стакан взяла та, что покруглее. Она быстро, торопясь и проливая на мягкий подбородок содержимое, глотала водку в надежде успеть, побольше выпить, пока не стошнило.

Другая, худая и мосластая, с удлинённым белёсым лицом девица в синем поношенном купальнике, сквозь который еле проступали пупырышки груди, нетерпеливо потирала испачканные песком руки, ожидая своей очереди. На сухой, пергаментной от воды и солнца шее поднимался и опускался маленький, похожий на детский согнутый указательный палец, выступ, кадычок такой, делающий её похожей больше на подростка. Было видно, что такие встречи

для неё не новость, и к выпивке на дармовщину она всегда готова, как и к скоропалительной «любви».

Карамба, не выдержав напряжения мосластой, оторвал стакан от губ толстушки и передал его той, другой, которая одним махом, запрокинув по-куриному голову, опорожнила посуду.

– Ну, ты и Шура-Мура! – восхитился Яблон. – А ещё будешь?

Мосластая молча показала на консервы. Ребята, привыкшие пить кое-как и побыстрее, так и не догадались вскрыть банку.

Кирилл неуверенно отломил от буханки уголок верхней корки, и предложил девице. Та поднесла корку к ноздрям, шумно по-мужски втянула воздух, и отдала Кириллу:

– Это тебе, чтоб нюх не терял!

Карамба, тем временем, узким, как заточка, лезвием пробил железо, вскрыл банку и наколов кусок разваренной в томатном соусе трески протянул закуску мосластой. Но кусок разломился пополам и соскочил с ножа прямо ей в колени.

– А чё пропадать закуске? – Цыганок, быстро отхлебнув из горлышка ополовиненной бутылки, упал лицом в худые колени мосластой и по-пороссячи зачмокал губами, торкаясь в её цыплячьи бёдра. Та от счастья блаженно закатила глаза, на миг возомнив себя прелестной обольстительницей.

Яблон, не выдержав, пнул цыганка в зад, но Карамба только оскабился, оглянувшись. Большой губастый рот был словно в сукровице, как будто ему только что выбили зубы.

– Гы-гы-гы! – сухая щепка жарче горит!

Толстенькая поджала губы:

– Солома тоже горит, да жара нет – пепел один!

– Во-во! – Яблон по-хозяйски приобнял толстушку за шею, знаком предложил её Кириллу, но тот отрицательно мотнул головой. Другой рукой новый знакомый держал бутылку, и со стороны было не очень понятно, что он предлагает – девчонку, или бутылку. – Ну, как хошь?

Кирилл поднял брошенный в песок стакан, сполоснул его в речке и протянул Яблону. Тот отлил из бутылки ровно половину от того, что оставалось, и протянул Кириллу:

– Ну, тогда ты не грёбарь, а алкоголик!

Кириллу лучше было напиться, чем оказаться в обществе одной из этих девиц. На готовые «дрожжи» водка идёт, как вода. Вот теперь и хорошо! Вот теперь и ладно! Водка всё спит!

Толстушка, томно прикрыв белёсые глазки, уже запела с наигранной бравадой и с отчаянным, похабным женским вызовом:

«По лесочку я бродила и в лощину угодила:

– Ах!

Шелкова-трава стелилась, я на мальчика свалилась:

– Ой!

Ко мне мальчик тот прижался, уговаривать старался:

– Дай!

А я девка молодая и не жадная какая:

– На!»

– Давай! – крикнул дурашливо Яблон, завалив девку на песок.

– Ну ты, прям, как арабский скаун, – скажи ему: «Стой!», а он не стоит. – Стряхнув с трусиков налипший песок, пухленькая, повиливая рыхлой попкой, не спеша, пошла в кустистые заросли острова.

– Я – шас! – подмигнув Кириллу, сказал Яблон и пошёл следом.

– Во, твари, что делают на глазах честных людей! – Карамба, воодушевлённый примером приятеля, подхватил худенькую на руки и, проваливаясь по щиколотки в сыпучий песок, понёс её, тихо повизгивавшую к реке, прямо в камыши.

Кирюше Назарову ничего не оставалось, как выкупаться в маленьком заливчике, где быстрые, как стрижи, пескарики играли в смертельные догонялки с такими же махонькими щурятами.

Вода оказалась на удивление холодной, словно там из-под берега протаивал прошлогодний снег. Родники, которые били здесь, несли в себе не только чистоту, но и глубинную свежесть материнских источников.

Опускаясь на дно, Кирилл тут же пробкой выскакивал, чтобы, снова набрав воздуха, уйти в благословенную глубину, где, то ли от тишины, то ли оттого, что давила вода, – закладывало уши.

Накупавшись в своё удовольствие, Кирилл, обогнув подозрительно шелестящие камыши, рухнул в горячий песок, чувствуя во всём теле блаженство. Не хотелось ни двигаться, ни думать о чём либо – толкач муку покажет!

Первым вернулся из «боя» Карамба. Заплетающимся языком он стал расхваливать свои мужские достижения и предложил Кирюше повторить его результаты, пока худышка ещё не совсем пришла в себя, «вон в тех камышинных, падла, в джунглях».

Кириллу вдруг захотелось тоже показать себя, и он было направился туда, в заросли, но, увидев лежащую в непотребной простоте пьяную с размазанным лицом малолетку, он, содрогнувшись, отступил от своих подростковых грёз.

– Ты чё, не донёс что ли? – оскabлился широким ртом цыганок. – Меньше на уроках под партой драть надо!

Кирилл махнул рукой на язвительное замечание цыганка и, чтобы отвлечь от себя его насмешки, предложил купить еще водки.

– А чё? Дело говоришь! Тарань, коль хрусты есть! – И затанцевал с прихлaтнёнными ужимками возле Кирилла.

– Иди, «мару» свою приведи, а то она там, – Кирилл показал туда, где на мокром песке пласталась бледная, как утопленница, худышка, – в блевотине захлебнётся. Отвечать будешь!

– «А ты давай, давай, давай, газеточки почитывай! А ты давай, давай, давай – меня перевоспитывай!» – пропел с одесским акцентом Карамба любимую приговорочку лагерных насельников разнообразных спецшкол для подростков, но всё же, воровато оглянувшись, нырнул в камыши.

Рыхлая, расслабленная на жаре до невозможности буфетчица, вяло взяла у Кирилла деньги, не считая, что совсем не вязалось с её профессией, положила в карман рабочей куртки и кивком головы указала на тоскующую в своём одиночестве бутылку, которая, казалось, вот-вот закипит на солнцепёке.

Кирилл, не дождавшись сдачи, махнул рукой и пошёл на своё место, где вернувшийся из долгой отлучки Яблон, уже что-то наяривал на, невесть откуда взявшейся, гитаре. Большой розовый бант на грифе красочно говорил о недавней хозяйке, но в руках нового обладателя гитара была уже своей. Рядом с Яблоном толстушки теперь не было, не было и худосочной. Девушки испарились так же быстро, как и пришли, в который раз убедившись, что от уготовленной им судьбы никуда не денешься.

– Вот, в кустах валялась! – отложил гитару Яблон, одобрительно поглядывая на зажатую, как граната в броске, бутылку в руках Кирилла. – А ты корешок, в натуре, очковый! Карамба! – крикнул он цыганку, который шнырял между кустов в надежде на бесхозность кошельков забытых купальщиками. – Волокись сюда! Иван Коровий Сын угощает!

Цыганок вместо вожака кошелька набитого рублями принёс порядочный кусок колбасы и батон – чужие остатки пиршества.

– Навались – подешевело! – На промасленной мятой газете Карамба ловко своим ножичком-пером настрогал колбасы, а батон трогать не стал, покрутил своё бандитское оружие и снова сунул в карман, пояснил:

– Мне в прошлом году майкопские черкесы чуть секир башку не сделали, когда я с ножом к лавашу подошёл.

– Они тебя не за то хотели к аллаху отправить, а за то, что ты их кухонным ножом свиное сало резал. – Яблон, посмеиваясь, подвернул колки на гитаре и протянул стакан Кириллу. – Кирюха, подай на грудь!

Тот, оторвав зубами металлическую кепочку на бутылке, налил в стакан почти по самый рубец.

– Держи!

Пока Яблон цедил сквозь зубы прогорклую на солнцепёке водку, цыганок, подхватив у него с колен гитару, пощипал, пощипал струны и запел жалостливым слезливым голоском:

«Идут на Север срока огромные,
Кого не спросишь – у всех Указ...
Взгляни, взгляни в глаза мои суровые.
Взгляни, быть может, в последний раз.
Быть может, завтра покину родину —
Этап далёкий на Воркуту...»

– Что ты кота за хвост тянешь? Дай-ка нашу, народную, блатную-хороводную! – И, сунув цыганку недопитый стакан, выхватил у него из рук инструмент:

«Я помню завод Ильича,
Две маленьких доменных печи,
А третью-то строили мы,
Согнув свои юные плечи.
Будь проклята смрадная печь,
Что названа ты «Комсомольской»...

– Ну, ты Яблон и даёшь! Под мужика решил косить? Ты бы ещё спел «Вставай проклятьем заклейменный!». Посмотри на себя – какой ты монтажник? Верхолаз хренов! Ты – урка! Щипач натуральный! Ага! Тебе не гаечным ключом надо работать, а в цирке у зрителей карманы стричь. – Было видно, что цыганок здорово захмелел и теперь нарывается на кулак. – Я тебя по фене учил ботать, а ты теперь блатную песню губишь, с которой правильные люди по этапам мыкались.

«Я помню тот Ваненский порт
И гул парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.
От качки стонали ЗеКа,
Обнявшись, как родные братья.
И только порой с языка
Срывались глухие проклятья:
Будь проклята ты Колыма,
Что названа чудной планетой!
Сойдешь поневоле с ума.

Оттуда возврата уж нету...»

Пел цыганок с явным прибалтнённым оттенком, показывая, что вот, мол, как надо «делать» песни Колымского края...

Яблон, не возражая, тихо поднялся с колен и с размаху плашмя опустил гитару на голову цыганка, отчего тот, поперхнувшись на последнем слове, клюнул песок, да так и остался лежать.

Удар был не настолько сильный, чтобы отключилось сознание, но выпитая сверх меры водка сделала нужное дело.

– Пойдём отсюда! – Яблон ухватил Кирилла за рукав и потянул к пристани, где речной трамвайчик, осипнув на третьем гудке, уже раскручивал причальный канат.

7

Коля Яблочкин попал в детский дом совершенно случайно, хотя нет ничего более закономерного, чем случайность.

Родившая его женщина, на второй день появления Коли на Божий свет, бесследно растворилась в людском море большого города Воронежа, знаменитого не только тем, что в нём когда-то короткое время перемогался в нужде поэт Осип Мандельштам. Давал он приют и русскому песнопевцу Алексею Кольцову, и поэту духовного звания Ивану Никитину и Андрею Платонову – тоже люди ничего себе!

Других имён Коля Яблочкин, окончив семилетку, не знал, а может быть, просто не запомнил, хотя в школе что-то говорили и о других знаменитых горожан.

Имя и броскую фамилию мальчику дала принимавшая роды акушерка, жена мастера электролампового завода, который учился, без отрыва от производства, в местном Политехническом институте и свеча Яблочкина часто упоминалась в их семейных отношениях.

Кстати, мужа акушерки звали Николаем.

Детдом – есть детдом, и кто пожалеет, погладит по русой головке на каменистой дороге жизни мальчика, Колю Яблочкина?

Время летит быстро, и Коля попал в ремесленное училище, имея на руках справку о приводах в милицию и полуматерную кличку Яблон.

Где так ловко научился Коля карманному мастерству?

А тоже в детдоме. Пища скудновата, а есть хотелось всегда, вот и ныряли его пальцы по чужим карманам в автобусах и пригородных электричках.

Попадался он редко, но когда попадался, то били хорошо, поэтому он работал с народом по-станиславски – играл полудурковатого глухонемого. Кто посмеет обидеть болезного инвалида детства? То-то!

Направляющей и указующей силой в его жизни был вовсе не комсомол, а вышедший тогда на экраны художественный фильм «Высота» о храбрых монтажниках стальных конструкций, которые могут и выпить хорошо и хорошо поработать там, где только птицы да они горластые и плечистые парни в брезентовых робах и оплечь монтажных поясах.

«По какой специальности будешь учиться?» – спросили в ремеслухе.

Как по какой? Конечно по монтажу – сам грузу и сам вожу, только вожжи не держу!

Последнее, правда, добавил автор, зная привычки и характер человека по кличке Яблон, изменившего жизнь Кирюши Назарова настолько, что трудно было предположить его будущее в начале повествования.

Коля Яблочкин проходил рабочую практику на металлургическом комбинате города Липецка, где его бригада занималась монтажом стальных конструкций той самой домны, что была названа «Комсомольской». Ввиду его малого возраста и стажа на высотные работы он не

допускался, но на «подхвате» работал хорошо. Когда бригаду откомандировали в Тамбов, то сердобольный бригадир дядя Лёша, взял пацана с собой – пусть парень пообвыкнется, прикипит к монтажному делу, а там, глядишь, хорошим верхолазом будет.

Зная увлечения Коли, дядя Лёша проводил с ним нравственные беседы не только языком. Рука у дяди Лёши была потяжелее кувалды. Но, как сразу отучишь человека от дурной привычки, которая навроде курева – прожить можно, а тянет до невозможности.

Выходной день, заняться нечем, деньги от командировки кончились, вот и пошёл Коля Яблочкин, по прозвищу Яблон, по городу ошиваться – может, где денежка и завалилась на его счастье!

В том, что парень купивший у мороженицы стаканчик пломбира, конечно, деревенский лох, Коля знал точно. Кто же будет тратить деньги на мороженое, когда рядом пивной ларёк открыт? Деревенские, они всегда в первую очередь, когда бывают в городе, мороженое покупают или селёдку. Этот лох до селёдки ещё не дорос, но деньги у него есть. Надо разыграть спектакль, – давно он этим не занимался и, чтобы не потерять навыки, решил подобрать, то, к чему руки сами просятся. Вот и повстречались, прошу прощения, хрен да лапоть на вокзальной площади! А всё остальное ловкость рук ну и, конечно, система Станиславского.

Теперь вот идут по Тамбову два очковых парня, два соловья-разбойника, свистеть не свистят, но денег всё равно уже нет. Пропиты мамины деньги, профуканы!

«Эх, маманя, ты маманя!
Ты сама повадила:
придёшь поздно, придёшь рано
– по головке гладила...»

А впереди целая жизнь, и как она разложит карты, – никто не знает. Все карты лежат рубашкой вверх: где шестёрка, где козырной туз – ни одна бабка не скажет.

Чтобы не легла шестёрка – не садись за стол играть, не тот случай. Это только в сказках златокудрая фея вплетёт в твою причёску свой волосок удачи, а в жизни сам хватай её, эту самую увёртливую девицу, за пышный локон, седлай, как Конька-Горбунка, и – вперёд!

Но как ухватишься, когда рука поднялась только до стакана? Всего один день, а столько наворочено!

Кирюша против Коли Яблочкина выглядел ещё ничего – успел в кустах камыша, где лежала в счастливом беспамятстве та худосочная, по римскому обычаю выплеснуть в головокружительной карусели часть алкоголя и теперь поддерживал плечом своего путевого проводника, который пытался, но у него никак не получалось спеть известную песню монтажников-верхолазов. Запахла хватало только на – «Не кочегары мы, ни плотники, а мы монтажники-высотники!»

Бросать товарища в таком состоянии Кирилл Назаров никогда не будет.

Город большой и под ногами дорог много...

– Куда идти? – Кирюша освободил одно плечо и переложил товарища на другое.

– Идём туда, куда идём! – Яблон по-щенячьи встряхнулся и, указав пальцем на дорогу, заорал: – Форвертс!

Отчего, медленно двигавшаяся по асфальту машина с голубой полосой по кузову, оставилась напротив нарушителей порядка, дверка открылась и тут же, как из ларца выскочили два милиционера, упитанные и скорые на руку. Ать-два! – и парни оказались в тёмном стеснённом ящике, пропитанном табачным дымом, смрадом потных человеческих тел и глухой неизъяснимой тоской по открытому пространству.

Это только в досужем разговоре граждане сетуют: «Куда смотрит милиция?». А милиция смотрит именно туда. Вон сколько разного люду у них в ящике! Тут и бомж перекатный, и

семейный тиран, не сумевший по-хорошему уговорить жену, и невезучий домушник, застрявший в тесной фрамуге окна, и мертвецки пьяный человек не знавший края, и наши подгулявшие ухари-молодцы обречённые попасть под надзорное око уголовного Права.

Покружив некоторое время по городу, «воронок» остановился у железных ворот, гавкнули стальные задвижки и – вот приятели тесные объятья закона!

8

На другой день от беспамятного, безмятежного сна не осталось ни малейшего следа. Молодой здоровый организм деревенского парня Кирюши споро перемог алкогольную вялость тела, когда он, открыв глаза, упёрся взглядом в зашторенное стальной решёткой высокое окно, такое высокое, что и не дотянуться, не допрыгнуть, выход один – через стальную с маленьким квадратным проёмом дверь, весь вид которой говорил, чтобы все надежды были оставлены.

Пружинисто соскочив с дощатых, затёртых нар, Кирилл бросился к двери, но она ответила только задавленным протяжным стоном.

– Эй, баклан грёбанный, не динамь! Кантуй своего корешка – и парашу на вынос! Ноздри говном забило!

Кирилл хотел что-то возмущённо сказать, но, посмотрев на говорившего, тут же подавился словом; на нарах сидел, свесив голые волосатые ноги, испещрённые татуировкой, амбал лет сорока с лицом Франкенштейна, застаревшие шрамы на его образине намекали, что ему лучше не возражать. Это был тот самый вчерашний мертвецки пьяный человек, валявшийся на дне железного ящика в милицейском воронке, но тогда он имел менее устрашающий вид.

Яблон лежал на соседних нарах, откинув голову, как поющий на заре кочет, издавая горлом обычный человеческий клёкот-храп.

Кирилл поторкал его плечо.

– Вставай, поедем за соломой, быки голодные стоят! – скалясь, заорал Франкенштейн.

– Ай! – по-детски всхлипнул Коля Яблочкин, вскакивая с нар. – Куда поедем?

– Туда! – сунул ему кулак Франкенштейн. – Парашу выноси с корешком своим, а то я вас в ней искупаю.

Я?! Ни за что! Падлой буду... – хотел, было, заартачиться Яблон, но, увидев над собой штопаную суровой ниткой морду, сразу сник и, двигая по цементному полу одной сандалией – другую он потерял при бесполезном сопротивлении милиции – покорно пошёл в угол к большому, с двумя ручками поганому баку из тёмного пластика.

...Выездной судья, здесь же, в дежурной комнате милиции, не слушая возражений Яблона и оправданий Кирилла Назарова, постановила ввиду мелкого хулиганства двум дебоширам и возмутителям спокойствия вечернего Тамбова назначить каждому по пятнадцать суток исправительных работ в городском хозяйстве.

– Кирюха, а чего я вчера делал-то? – поинтересовался Коля Яблочкин у своего напарника, втыкая лопату в неподатливую почву возле кинотеатра «Родина», где на огромной афише красовался Николай Рыбников в образе монтажника-верхолаза из кинофильма «Высота», когда-то соблазнившего на угробистый труд подростка Яблочкина.

Сержант милиции, стоящий в сторонке, определил им на сегодняшний день рытьё траншеи под телефонный кабель. Почва, пересыпанная гравием и остатками асфальта, никак не хотела идти под лопату. Железо скользило по камням, противно скрежетало, высекало искры, но все потуги вогнать лезвие лопаты в грунт, кончались тихим, чтобы не услышал сержант, матерком.

– Кирюха, ты чего молчишь? Обиделся что ли? – Яблон сплюнул тягучую слюну на горячее битумное крошево. Было видно, что водный баланс организма у него крепко нарушен. Теперь бы ему глоток пивка – и все дела!

– Кирилл, – опять заговорил Яблон голосом осипшим, как от простуды, – попроси у сержанта закурить! Одну на двоих сигаретку в зубы. Ага?

– Ага! – передразнил его Кирилл. – Ты кого вчера мусором обзывал? Может, ты забыл, а он – нет! В зубы так даст, что из глаз дым пойдёт с искрами.

– Ну, шутю, шутю! – И Коля Яблочкин, стал, теперь уже ломом, долбить неподатливую асфальтовую корку, перемежая удары всё так же глухим матерком.

Сержанту, наверное, надоело жариться на солнце, охраняя этих шлопутов, он подошёл, отмерил каждому шагами задание:

– Мужики, вот отсель и досель проштробите, и я вас в кино свожу. А то здесь от жары подохнешь!

– А чё, это мы враз! – обрадовался Яблон, которому так не терпелось снова увидеть любимый фильм о своих, пусть и не таких романтических рабочих буднях.

Лом заиграл в руках. Лопаты заскрежетали. Матерки умолкли. И вот уже через пару часов дневная норма для малолетних хулиганов выполнена.

В кинотеатре прохладно и уютно, так и сидел бы до самого вечера.

Кирилл видел «Высоту» впервые. И вот он уже сам воображал себя на монтажной площадке под весёлым небом, в перехлёсте страховочных ремней, таким же весёлым и говорливым, как Николай Пасечник – главный герой фильма.

Кино кончилось, и сержант, малый с руками молотобойца, одарил каждого сигаретой и повёл на ужин в КПЗ.

Пятнадцать суток – тьфу-тьфу-тьфу! – не пятнадцать лет, и вот уже нарушители гражданского спокойствия снова на воле. Ах, воля!

Вот такой неожиданный поворот сделала судьба Кирилла Назарова, пытая потом всю его жизнь на прочность.

В рабочем общежитии лишняя койка нашлась. Ехать домой Кириллу расхотелось. Отметка в его личном деле о задержании на 15 суток за хулиганство была непреодолимым препятствием для поступления в институт, и он с охотой устроился в бригаду к Яблону учеником монтажника-высотника.

Чувство неустойчивого равновесия теперь для него будет основным чувством.

9

Вырвался на волю и оказался в крутой монтажной бригаде, собранной из уголовников, пропойц – людей без меры образованных, но так и не сумевших из-за своего буйного характера работать по нормальной профессии.

Бригада вела монтаж металлоконструкций, одновременно занимаясь технологической оснасткой корпусов химического комбината. Универсалы знали своё дело! Работали подрядным методом.

Теперь этот комбинат отравляет пригородный лес и дачные участки своими ядовитыми испарениями.

Стройплощадка располагалась возле местных огородов, куда молодой монтажник часто откомандировывался бригадой для добычи всегда дефицитной закуски. Короче, в свои семнадцать лет Кирилл Назаров по уши барахтался в море под именем – жизнь, зарабатывал себе на существование тяжёлым и не всегда благодарным делом, возводя базис для будущих быстрых капиталистов.

Работал и жил, как работали и жили тогда его сверстники, романтики боевых строек: одевался, во что мог, пил, что позволялось старшими товарищами, кормился в долг по абонементным талонам, которые на месяц вперёд выдавала таким же пацанам, как он, сердобольная кассирша Груня в рабочей столовой.

Или он был в то время дураком, или само время было такое, что в этой кручёной жизни Кирилл чувствовал себя превосходно. Полностью счастливым.

Чтобы заработать деньги, а потом за неделю-другую их бездарно спустить приходилось «лопатить» по бесконечным аккордным нарядам по 12–14 часов в сутки, да так, что потом щека сама прикипала к подушке. Редкие свободные вечера он со своими товарищами проводил, конечно, за бутылкой в рабочем общежитии – холодном щитовом бараке-временке с водой, но без газа. Тогда ещё была такая весёлая записка: «Оп-па! Оп-па! Жареные раки! Приходи ко мне, матаня, я живу в бараке!»

Постоянное мужское общение и физический труд мозолили не только руки, но и то, что в груди. Цинизм, вседозволенность и право нанести первым удар здесь поощрялись.

Грубая проза жизни только разжигала в Кирилле юное любопытство к ней, к быту настоящих мужчин в его тогдашнем понятии. Романтика комсомольскихстроек, подогретая в печати, кино и радио выплёскивалась у него иногда в неожиданные стихи, высокие, как стальные конструкции, которые они собирали на монтажных площадках. И в этих строчках всё-таки была своя правда...

Монтажник

Наверху, где воздух режет
Золотая птица дня,
Громыканье железа
В синих высверках огня.
Там работает монтажник —
Облака под рукавом.
Нет монтажника отважней —
Пост высокий у него.
С ним тягаться не берусь я.
Ветер волос шевелит...
Может быть, он тоже б струсил,
Да работа не велит.
Сдвинув каску на макушку,
Перегнулся через край...
У него на побегушках
Служит самый мощный кран.
Ухватясь за балку цепко.
(Что впустую рисковать?)
Он себя стальной цепью
Для страховки приковал.
Из-за тучи с башней вровень
Связка белая лучей...
Солнца жаркие ладони
На его лежат плече.
Зноен час перед обедом...
Рукавицы пальцы жмут
— В рукаве его заветном
Гром и молнии живут.

Но иногда Кириллу становилось невыносимо жутко от непонимания окружающими его чувств и рождённого этим, одиночества. Тогда он, зарываясь в подушку, плакал под пьяный гул и бред своих беспокойных товарищей.

Кирилл и теперь не может до конца понять, почему он не спился и не пропал в таком базаре-вокзале. Мельница молола, жернова крутились, и участь, попавших под её колёса, печальна и трагична.

Прошрое всегда печально и трагично даже тем, что оно прошрое.

И тогда в его жизни появилась девушка, сразу и навсегда, хотя слово «навсегда» предполагает завершённость чувств, конечность, жизненную точку, а не многоточие.

Глава вторая

1

Девушка-загадка, сладкий ядовитый дурман, отравивший молодого монтажника из рабочего общежития Кирилла Назарова, училась на выпускном курсе музыкального училища по классу фортепиано.

Она родилась и выросла в районной глубинке, и город увидела только по окончании школы.

Ласточкин разлёт бровей над шмелиной мохнатостью ресниц, светлая кожа, на которой легко угадывался румянец здорового женского тела, и два остроклювых голубя под лёгким трикотажем кофточки, могли одолеть и более искушённого человека, чем Кирилл. В девушке было всё, как теперь говорят, нестандартно: и её имя, и утончённые черты лица, и профессия, которую она успешно осваивала, и манера преподносить себя в кругу друзей, по которой не сразу скажешь о её колхозно-крестьянском происхождении.

Музыкальная одарённость к ней пришла, как и всё остальное, от деда, пришлого для села человека неизвестных кровей, запутавшегося в русском бурьяне, порождённом коллективизацией. Не очень прилежный к хозяйственным заботам дед, всё своё свободное время отдавал скрипке – музыкальному инструменту чудному и необычному в деревне. Маленькая забавная штучка с талией худосочной девочки, в руках этого человека оживала, смеялась и плакала, и заставляла смеяться и плакать её слушателей.

Бывало, сядет этот странный человек на завалинку, прижмётся щекой к скрипичному певучему сердцу, и польются чарующие звуки так похожие на живой человеческий женский голос, что страх берёт. Сельчане только задумчиво чмокали губами, удивляясь небесным звукам, которые пришлый человек тоненьким смычком, гибкой веточкой, извлекал для них. Неслышанные досель мелодии, столь непривычные слуху русского человека будили тревожные, неизъяснимые чувства.

После войны, когда поредевшие мужики возвращались с фронта, вернулся и тот человек, пришлый и загадочный в их деревне, с фронтовым трофеем – на американском трёхосном грузовике прибыл странный крылатый комод красного дерева, посверкивающий на солнце золотыми, не нашенскими буквами. Разгружать «Студебеккер» собралась вся деревня. Качали головами: «Надо же, какую неудобную мебель тащил мужик из-под Берлина!»

Старый австрийский рояль, помнивший ещё, наверное, и самого Штрауса, гляделся чудно и невероятно, занимая половину деревенской избы. Но хозяйка дома, местная красавица, из раскулаченных, помня ещё холостяцкие увлечения своего мужа, не артачилась. Счастливыми глазами смотрела на недавнего покорителя Европы. И каждое утро осторожно протирала бархатной тряпочкой вездесущие пылинки с льдистой, всегда прохладной поверхности полированного дерева.

Трофейный рояль солдат всеми правдами и неправдами сумел доставить в подарок своей ненаглядной дочке Ксюше, которая за долгие годы войны превратилась из ребёнка в почти что невесту. Но Ксения в отличие от своего чудаковатого родителя, к музыке относилась прохладно, и рояль, гордость австрийских музыкантов, оставался стоять нетронутым, пока у Ксении не появилась своя дочка – Дина, дед дал ей такое необычное для русской глубинки имя, и настоял на своём, хотя молодые родители девочки и были против.

Дина и характером неуёмным и обликом не типичным для жителей среднерусских равнин, пошла в деда, как говорили в деревне, итальянского «камрада», потомка гарибальдийцев осевших по недоразумению в кипящей страстями России. Скрипка для дедовой внучки ока-

залась первой подругой детских игр, и она быстро научилась разговаривать с ней на одном, только им понятном языке. Но с роялем дружбы никак не получалось, уж очень громоздким и неповоротливым был заграничный товарищ, на котором теперь, после смерти деда, уютно размещались вместе с куклами-бантиками и другие её детские безделушки.

Только, как ни крути, а для мебели рояль подходил мало, но продать в город дорогой музыкальный инструмент родители маленькой Дины не решались – мало ли как обернётся время! Господь пошлет, – подрастёт девочка и роялю найдётся место в её жизни...

А время оборачивается быстро. Такова его сущность. В селе открыли музыкальную школу, и маленькую Дианочку отдали туда.

«Меньше по улицам шляться будет!» – решила родня.

А девочка была и рада. Теперь и с этим громоздким инструментом поладила. Заберётся, бывало, на крутящийся высокий стул у рояля, сдвинет игрушки на пол, откинет двумя ручонками вороной масти крыло, и так пальчиками и бегают по чёрно-белым костяшкам. Ну всё равно, как цыплята зёрнышки клюют.

И так у неё всё хорошо получается, вроде с пелёнок этим занималась. Как услышит по радио какую-нибудь мелодию, так сразу и бежит к своему крылатому другу, напевы на клавиши перекладывает. И дедову скрипку не забывает. Уж очень говорливая вещица! Только дедова внучка её в ладонь возьмёт, она и застонет, и заплачет о невозвратном. Ну, а когда смычком проведёт, то и вся родня нарыдается.

Дина была нрава весёлого, лёгкого. А за скрипочку бралась, когда загрустит о чём-то или когда бабушка попросит. Скажет: «Заиграй, внучка, давай деда твоего помянем, вспомним!» Возьмёт тогда девочка скрипочку, приложится розовой щёчкой к её ласковому тельцу, поведёт смычком – бабушка уронит в ладони голову и закачается так, словно серебристая ветёлка под ветром. А песня льётся, протяжная, зыбкая, возьмёт за душу и не отпускает.

Так и сидят с внучкой у окна – старая и малая, и плачут – каждая о своём. У внучки слеза лёгкая, светлая, у бабушки – тяжёлая, неподъёмная. Поплачут так, и очистится сердце от коросты повседневной. Бабушка посмотрит в окно, протрёт стекло ладонью, как будто попрощалась с кем-то...

Ушла и бабушка.

Дина с матерью вдвоём остались.

Отец Дины, еще, когда дед жив был, хвост распушил и утёк куда-то. Говорили, в Сибирь на стройку подался – мода такая была. Дома в деревне за землёй ухаживать вроде, как зазорно. «Мещанство!» – говорили. Длинным рублём, романтикой временного быта и отсутствием семейной обязаловки будоражили целина и стройки маргинальных, легковёрных и лёгких на подъём людей – «постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом, в изголовье поставьте упавшую с неба звезду...»

Но всё хорошо, что хорошо кончается.

Так вот, отец маленькой Дины, как ушёл, так и сгинул, оставив махонькую часть подъёмных рублей на воспитание дочери. Сколько не писали, сколько не искали его на выплату алиментов – глухо! То ли за упокой молиться, то ли за здравие... Может, сгинул, а может и до сих пор у костра греется под таёжный скрип бородатых кедров с песней на обметанных ветром губах – «Старость меня дома не застанет. Я в дороге, я в пути...»

Мать – скотницей на ферме.

Работа мужичья, воловья. Заработки небольшие, а на двоих с дочерью вполне хватает. Дома животное мычит, хрюкает, кудахчет – к первому ледку под нож готовая. Мать везде управляется одна. Зачем дочку работой изнурять? И так она одна-одинёшенька на белом свете останется. Кто кроме матери пожалеет? Вон у доченьки рученьки, какие! Ладошки узкие, пальчики длинные, ноготочки розовые, как яблоневый цвет. Нешто с такими ручками – и в навоз! Пусть лучше музыкой занимается, а не в говне копается!

Приходила училка-музыкантша, говорила: «Нельзя Ксения – мать Дины на деревне Ксюшей звали, – нельзя Ксения дочкин талант губить! Пусть вместе с таблицей умножения нотную грамоту учит для понимания жанра!»

Какой такой жанр? Она и так целый день по костяшкам бьёт, колотит. Пальчики, как по уголькам раскалённым, так и бегают; прикоснутся – и вспорхнут, прикоснутся – и вспорхнут! Голубки белые, клювики розовые...

Вздохнёт Ксения и снова вилы четырёхрожковые в навоз тычет, гнётся – ничего, доченька, учись, я двужильная, выдержу!

Училась Дина хорошо. Легко. Играючи. Может, потому и «пятёрок» мало было, зато «троек» знать не знала. Ни в дневнике, ни в аттестате они не наследили.

Учительница, которая музыкальную школу открыла, ей рекомендательное письмо в училище написала, педагогам своим, у которых сама недавно училась.

Может, помогла, может, и не помогла ей та рекомендация. Но в училище она поступила с первого захода. В приёмной комиссии – головами качали. Казалось, певучая струна дедовой скрипки так и осталась звучать в молодой крови, возбуждая у слушателей неясные желания и неизъяснимые словами страсти.

Прослушивание по спецпредмету было недолгим.

После двух-трёх мелодий популярных в то время песен, её попросили исполнить, что-нибудь из Сибелиуса.

Финского композитора она, конечно же, не знала. В программе сельской музыкальной школы таковой не значился, потому, как был выразителем буржуазной загнивающей культуры. Взамен она исполнила скандинавскую «Песню Сольвейг».

Преподаватели, удивлённо переглянувшись, отметили, что-то там у себя в тетрадочках, и безоговорочно разрешили сдавать экзамены по общим предметам.

Увидев себя в списках зачисленных на первый курс, Дина тут же дала телеграмму матери: «Я теперь студентка тчк Дочь тчк»

Хозяйка, которую ей порекомендовали в училище, так как учебное заведение не располагало общежитием, была приветливой и доброй женщиной. «О постели не беспокойся! Не замуж выходишь! Вот тебе койка, а вот – постель. Из деревни ничего не привози. Подушки и перины тебе ещё в приданное сгодятся! Вишь, какая красавица! Только ты с парнями – поосторожней. Они, ребята городские, хваткие, молодые. Им, что нужно? Надкусят яблочко румяньенькое, и выбросят. А потом, кто тебя поднимет? Знаю я их, поганцев! Свою честь блюди. Мало ли, где у тебя зудит, а почесать никому не давай. Для этого замуж выходят. Ну, не красней, не красней! Я правду говорю! Просто слова у меня такие едучие. За кормёжку и за постель платить будешь – мы с тобой договорились. А матери передай, что я за тобой присматривать буду, пусть не волнуется. Слезу зря не роняй. У меня язык длинён, да зубы коротки. Я не кусаюсь!»

Так и подружились они – сельская девушка Дина и Пелагея Никитична, крепкая, жилистая баба ушедшая недавно на пенсию от токарного станка на заводе оборонного значения, где она проработала более сорока лет. Квартирантку пустила больше от одиночества, чем от нужды. Какие деньги со студентки? Пенсия – ничего себе, ей одной хватит, а, как вечер наступит, так и деть себя некуда. Сын в Армии служит, муж в земле лежит, убаюканный русским хмелем, к соседям не находишься. У каждого – своё, и у ней – своё. Дом – особняк рубленый ещё с прошлого времени остался, от свекра. Свёкор, царствие ему небесное, при царе лесничим служил, вот и отгрохал дом, какой следует – бревно к бревну, в пазах до сих пор смолка золотится. Изнутри не оштукатуренный, брёвна щекастые, топором тёсанные. Пакля в пазах жгутом кручёным проложена.

Таких домов теперь не рубят, разучились, а, может, леса поубавились. Хорош дом! «Старый дед меж толстых кражей клал в простенки пух лебяжий...» В нём и внуков растить можно.

В кирпичном доме тоже ничего себе, да только дух не тот.

Пелагея Никитична была, может, и не права про «кирпичный дом», но в сосновом лесу легче дышится.

Начало самостоятельной жизни молодой студентки складывалось, как нельзя лучше.

Успешная сдача вступительных экзаменов обеспечивала гарантированную стипендию, по меньшей мере, на полгода. Значит, не будет сидеть у матери на шее. Деньги небольшие, но необходимые в студенческую пору. С квартирой – проблема тоже отпала. До начала занятий осталось ещё целых две недели свободного времени, и Дина вернулась домой счастливая и радостная.

Слава Богу, сердечной привязанности, той первой, трепетной, от которой кружится голова, у неё не было. Она напоследок покуражилась с повзрослевшими подругами, подразнила на прощанье своих деревенских парней, от которых недавно отбивалась сумкой с учебниками, проиграла на дедовом трофейном инструменте грустный и загадочный «полонез Огинского» и с лёгким сердцем простилась с детством.

Всплакнула одна мама. Но что остаётся любой матери, когда вырастают дети, эгоистичные в своём праве – уйти, убежать, уехать? Остаётся только стоять на клубящейся дороге, машинально взмахивая рукой, которой только что вытирала слезу, стоять, когда и пыль уже улеглась, и даль просветлела.

«Вьётся змеёю, сынов оболыщая, тесно прижавшись к пустой борозде, от горок тех малых дорога большая... Хватит ли всем по счастливой звезде?»

Молодость, хотя у всех одна, да не у всех одинакова...

2

Всё шло своим чередом: днём занятия в классах училища, ну а вечером походы в кино с новыми подругами, бездумные гуляния по осенним тамбовским улицам.

Шорох опавшей листвы под ногами, свет фонарей, многолюдье – всё так непохоже на её тихую деревенскую жизнь, где осенняя беспутница, длинные, тёмные ночи, свист ветра в проводах унылый и однообразный.

В музыкальном училище девушек было намного больше, чем парней.

Юноши – в большинстве своем тихие и робкие, с обострённым музыкальным слухом и слабым здоровьем, из-за потерянного ради музыки детства, привыкшие к сладостям и диатезу, не вызывали томливого интереса у сокурсниц.

Хулиганствующие подростки на улицах, назойливые и наглые, тоже не привлекали внимания, поэтому у Дины была чисто девичья компания с незатейливыми приглашениями на чай или на бутылку дешёвого вина, если случался у кого день рождения.

А молодость требовала приключений, опасных знакомств, от которых замирает сердце, рискованных поступков, веселья без берегов. Сок жизни бродил в жилах и с нетерпением ждал исхода.

Танцевальные вечера с приглашением курсантов военных училищ Тамбовского гарнизона и рабочей молодёжи города были единственным клапаном для сброса адреналина. В такие вечера прилежные девочки, штудировавшие Брамса и Бетховена с Моцартом, сучили тугими коленями, отдаваясь всяким попсовым хитам из оглушительного музыкального ящика. Пили в туалете дешёвый портвейн, делали первые головокружительные затяжки сигаретами – и снова в актовый зал ломать «шпильки», вдыхая возбуждающий запах мужского пота и сладкого близкого греха.

Кончался вечер. Курсанты спешили к «отбою» в свои казармы, парни с рабочих окраин к тому времени были уже в таком подпитии, что о дальнейшем «культурном» общении не могло быть и речи.

Однажды за Диной увязался такой «передовик производства», который всю дорогу пытался показать свою интеллигентность и хорошее воспитание, но выдержки у него хватило только на половину пути. Прижав ее, к деревянному шершавому забору, он тут же полез к ней в трусики и стал что-то, сопя, там искать, как ищут в омутовой норе спрятавшегося налима.

Девушке стало стыдно за свою закомплексованность и неумение по-настоящему отшить нахала. А когда стало совсем стыдно, она вырвалась из его самозабвенных объятий и молча бросилась домой, застёгивая на ходу разметавшийся плащик.

3

Всё было бы хорошо, да приглянулась молодая деревенская девчушка своему преподавателю по истории искусств Роберту Ивановичу Крапивникову, человеку женатому, но всё ещё не забывшему свои студенческие годы.

Ах, какие это были годы! Какие девочки в городе Саратове, где он учился в консерватории! Тамбов, что? Тамбов – дыра! Сплошь колхозницы! Никакого понятия в сексе! Мамка не велит! Ну, разве – не дуры? Такое на старость не отложишь, как выпивку на завтра!

Бери, бери, бери!

Весёлый человек, Роберт Иванович и обаятельный. Все студентки были в него влюблены, но до крайнего дело не доходило. Как говорить – то рубашка коротка, то рукава длинные!

Занятия Роберта Ивановича отличались от скучных и утомительных уроков других преподавателей, чей возраст не допускал вольных трактовок своих лекций. Обычно доклад, на какую-нибудь тему он перепоручал самим студентам, только изредка вставлял весёлые реплики, если очередной докладчик путался в программном материале. На едкие замечания студенты не обижались, зная, что положительная оценка всегда будет стоять в журнале.

Часто на занятиях, разряжая обстановку, он мог позволить себе рассказать сногшибательный анекдот, балансируя на грани дозволенного.

Слушать его было одно удовольствие.

Девочки им восхищались. Не избежала обаяния своего наставника и Дина. Ей не могло не нравиться его внимание к ней, его частые приглашения к себе в методический кабинет, где хранились учебники, плакаты, магнитные записи. Он позволял ей выбирать те или иные фильмы по предмету изучения, слайды, пособия и одобрительно касался плеча, если выбор студентки был правильным.

Иногда он присаживался рядом на корточки, пока она, нагнувшись, отбирала к уроку наглядные пособия, что-то остроумно говорил, щекоча дыханием девичье ухо.

В таких делах навыки у него были огромные.

Дина робела, прятала от него покрасневшее лицо, боясь показать волнение, будоражившее её девичье воображение – дыхание пресекалось, мурашки пробегали по коже, сладкий ужас охватывал её. Как распутившаяся ветка тянется к влаге и свету, так и она непроизвольно тянулась к этим мимолётным и вроде бы безобидным ласкам.

Однажды, нагнувшись вслед за своей студенткой, чтобы поднять выпавшую из рук девушки книгу, он невзначай задел щекой напрягшуюся молодую грудь. Отчего соски её тут же взбухли, пронизанные сладкой до головокружения истомой.

Молодость, молодость...

Роберт Иванович по-кошачьи потёрся о пушистый свитерок, осторожно отодвинул её прядь волос и тихо поцеловал в ушную раковину.

Горячая приливная волна хлестнула по бедрам, ноги ослабли до того, что она тут же опустилась, сползая по стене на пол. Нечто подобное Дина иногда ощущала в бане, когда усиленно мылась после какой-нибудь грязной работы.

Учитель, поощрительно улыбаясь, приложил палец к губам и тихо вышел.

Что делалось в душе девушки? Ей было и сладко и стыдно за свою женскую слабость, за своё неумение отвечать на мужские ласки.

Сокурсницы уже почти все имели практические навыки в занятиях, которые теперь почему-то называются любовью, хвалились и бравировали этими делами, со смешками обменивались деталями таких занятий, покуривая в перерывах в туалете.

Наверное, она одна такая белая ворона, которая и мужского пота не нюхала. Если признаться девочкам, что она и не целовалась по-настоящему ни разу, не то чтобы вступать в интимные отношения, они бы её презрительно осмеяли. Поэтому в разговорах, она тоже хотела показать себя опытной в амурных делах, вроде тоже давно и без проблем рассталась с девственностью, а тут показала себя дюймовочкой, «красной шапочкой» и перед кем? Перед Робертом Ивановичем, учителем по кличке «Роба»!

Молодые отвязные студентки его так называли почти что в глаза. А вот она показала себя недотрогой. Роберт Иванович теперь, что подумает? Скажет – шапочка красная, дурочка деревенская, ступай к своей бабушке, пирожки неси! Теперь ему на глаза стыдно показаться.

Отряхнув юбочку, и кое-как приведя себя в порядок, Дина выскользнула из кабинета, хорошо ещё, что в классе никого не было, а то бы с расспросами надоели – что да как?

А Роберт Иванович тоже думал по-своему – молодой преподаватель, ещё не отвыкший от студенческих замашек, привыкший к безотказности своих сокурсниц, не обременённых заботой о скором замужестве, уступчивых и податливых к ненавязчивым ухаживаниям своего товарища, и на этот раз был уверен в себе.

А привычка – другая натура.

«Сорок девок, один я!» – говорил о себе весёлый студент, затесавшийся волею случая и стараниями известного в музыкальной среде родителя в саратовскую консерваторию. Там преимущественно повышали знания нервные выпускницы музыкальных училищ с утончённым вкусом и особой чувственной нервной системой, которая тут же отзывалась на внешний раздражитель, как рогатка камертона на звуковую волну соответствующей частоты.

«Да она, никак, ещё цельная?» – думал Роберт Иванович, тихо прикрывая за собой дверь учебного класса, оставив трепещущую от возбуждения ученицу. – Грех её оставить кому-нибудь другому, всё равно она вот-вот расстанется со своим сокровищем, подарив его первому балбесу, который ей приглянется. Девочка, надо признаться, ничего себе. А какая страсть! Только не гнать коней! Только не гнать! Кажется, виноград созрел и сам просится в рот...».

Роберт Иванович от вкусной ягодки отказаться ну никак не мог!

Надо помочь девочке сбросить хитиновый покров гусеницы и превратиться в бабочку. Нет – не в капустницу, а в бабочку махаона!

В этих делах Роберт Иванович имел определённый опыт. И он, не спеша, поторапливался, зная, что из прокисшего молока каши не сварить.

4

Ах, студенческие вечера, студенческие вечера! Безоглядное пролётное время! Особенно вечера новогодние – зачёты сданы, два-три необременительных экзамена и – вот они, зимние каникулы! Веселись, пока молод!

Собрались всем курсом, ёлку поставили прямо в классе за неделю до праздника. Директриса ворчала, что лесная сказка будет мешать учебному процессу, но, выслушав притворно-плаксивые просьбы своих воспитанниц, согласилась: «Делайте, как знаете, но чтобы порядок был! На экзаменах за всё спрошу!»

Для Дины это была первая настоящая ёлка. В деревне, где до леса в любую сторону 20–30 километров, к подобным забавам относились равнодушно. «Баловство одно! – отвечала мать

на просьбы дочери поставить в избе ёлку. – Я тебе лучше шубу справлю!» Гладила девочку по голове и о чём-то тяжело вздыхала.

А в школе, какая ёлка? Постоит в небольшом, тесном коридорчике день-другой, шурша бумажными игрушками, да и в печку пошла, промёрзший класс отогревать. «Горит стерва хорошо!» – ласково матерился истопник и сторож дядя Гриша, засовывая сыпучие хвоей ветки в зевластую печь.

Жалко! «Срубили нашу ёлочку под самый корешок...»

Хозяйка Дины, Пелагея Никитична на первый студенческий бал сама принаряжала свою постоялицу. Цепочку из кручёного серебра достала из шкафчика, серебро старинное, тяжёлое, обмётанное чернью, шейку девочки холодит, щекотно до слёз. На серьгах с зелёными камушками сама замочки защёлкнула. Платье из панбархата в талии ушила. Ворчит:

– Худосочная девка! Сохнешь что ль по ком? Я этих ухажеров вмиг от тебя отошью! Скоро сынок из армии придёт, отслужится, сама увидишь, какой красавец! Это он на фотографии такой скучный, Димочка мой! Он по жизни добрый, весёлый, ласковый. Ну, иди! Иди! Да не забывай домой вовремя возвратиться! А то я тебе!..

– Нет, что вы, Палагея Никитична! Я – враз! Потанцую немного – и дома!

Палагея Никитична, улыбаясь, шлёпнула легонько по тугой попке свою квартирантку:

– Иди, иди! Я шучу. Гуляй, пока молодая! А мои ноги носят только до постели...

Шла, летела Дина сквозь белую подвенечную кружевную кисею падающего снега. И сама она была, как снежинка, – чистая, лёгкая, радостная.

В коридоре её встретил Роберт Иванович. Пакетики в руках. Шумный. В глазах по бесёнку резвому:

– А вот и моя студентка! Ух, какая ты румяная! Дай-ка я снежинки с тебя смахну. – Свёртки у ног положил. На шапку дует, смеётся. Плечи оглаживает. Задержал руки на талии. Шутя, притянул к себе.

– Ох, как ландышем пахнет! – шепнул на ухо.

Дыханье влажное, густое, терпкое.

Каждая клеточка пружинисто напряглась.

Тело само выгибается, не слушает разума. Да и может ли быть разум у семнадцатилетней девочки?

– Помогите мне домой свёртки донести! – говорит весело. – Игрушки вот для ёлки купил. Наряжать её буду. Женщины нет, так хоть с елкой Новогодний вечер скоротаю.

Жалко Роберта Ивановича. Вечер такой хороший, а ему скучать придётся. Вот поможет она ему ёлку обрядить и в училище на вечер успеет. Время есть. Вон девчата ещё не пришли.

В пустом коридоре гулко, неуютно. В холодном кафеле пола лампочки отражаются, как в застывшей воде. Холодно. Дина даже плечами передёрнула:

– Я вам помогу, Роберт Иванович! – залепетала она, поднимая с пола бумажный пакет, перевязанный крест-накрест бечёвкой. Увесистый он был, конечно, не с игрушками для ёлки.

Роберт Иванович сам перехватил его, и сунул себе под мышку. И другой пакет оказался тоже у него в руке. Оглядываясь, он подтолкнул девушку к двери, и они вышли на ярко освещённую праздничными огнями улицу.

За небольшим сквериком заснеженных деревьев над гомонящей толпой в белом вальсе кружилась огромная сверкающая всеми огнями главная городская ёлка.

Роберт Иванович, размахивая свёртками, что-то говорил, говорил, говорил, восторгаясь, как ребёнок. Дина шла рядом, боязливо, снизу вверх поглядывая на своего преподавателя.

К ёлке подкатила расписная тройка горячо дышащих коней. Под радостный визг детей из узорчатых саней вышел, поглаживая заиндевелую бороду, дед Мороз, а за ним, игриво подбрав шубку, выпорхнула и Снегурочка.

Дина тоже радостно захлопала в ладошки, приветствуя сказочную пару. Начиналась новогодняя ночь, открывшая деревенской девчухе волшебным ключом потайные двери уже в другую, непохожую на прежнюю, жизнь.

В квартире у Роберта Ивановича было тепло, уютно и прибрано.

Было видно, что хозяин во всём любит порядок и чистоту. Щёлкнула клавиша музыкального центра, и под чистые, хрустальные звуки зажглась на столе маленькая, украшенная сверкающими бусинками мигающих огоньков, ёлка.

Эти, мигающие в такт музыки огоньки, запах мужских духов пропитавших комнату и тревожные звуки, рождённые внутри музыкального ящика, возбуждали странные чувства нереальности и зыбкости происходящего. Как будто это было в кино, или во сне, или с ней, но попавшей в мир зазеркалья.

Роберт Иванович, не включая верхний свет, зажёл большой розовый шар новогодней свечи, распаковал свёртки, и на столе появились, мягко отсвечивая в пламени свечи, золотые бантики конфет, высокая бутылка, укутанная серебряным шарфиком под самое горло – непременный спутник всех новогодних ночей, – шампанское.

– Раздевайся, раздевайся! – обернулся к своей молоденькой гостье Роберт Иванович. – Ой, какие мы маленькие, стеснительные!

Он подошёл к оробевшей девушке. Медленно перебирая пальцами, растегнул строчку пуговиц на шубке, распахнул её, легонько выпрастывая из рукавов податливые девичьи руки. Чуть касаясь, провёл ладонью по изгибу спины, как бы оглаживая бархат платья, усадил Дину на диван, и, присев на корточки, так же медленно, с натягом снял с неё сапожки, провёл ладонью по капрону чулок.

От каждого прикосновения Роберта Ивановича становилось щекотно и сладко, как в тех странных снах, когда она из неуверенного подростка превращалась в девушку.

Чувства, захлестнувшие её лавиной, были столь новы и необычайны, что знобая дрожь затронула всю её сущность, заставляя юное тело судорожно напрягаться.

Глядя на свою гостью, Роберт Иванович, заспешил к столику, подкатил его к дивану, уселся рядом, распустил проволочную уздечку на бутылке с шампанским и, не дожидаясь заветного полночного часа, нетерпеливо отпустил пробку, которая с громким хлопком взвилась к потолку – пена побежала в звонкие бокалы на высоких ножках.

Губительный восторг охватил недавнюю школьницу, отодвинув в закоулки сознания осторожность и здравый смысл.

Неясный шепоток шампанского в бокале только подстёгивал сумасшедшие мысли: «Как в кино! Вот расскажу девочкам! Не поверят!»

Молодость глупа и доверчива. Опыт – «сын ошибок трудных» ещё не стоит за спиной её сторожем, оберегая от непоправимого шага.

Учитель знал, что делать дальше.

Приобняв Дину за плечи, он предложил выпить за её красоту, за ушедшее детство и за новое вступление во взрослую жизнь:

– Новый Год – для того и новый, что со старыми привычками и предрассудками надо расставаться, отбросив ложные стереотипы.

Непривычный вкус газированного вина был резким и острым.

Дина непроизвольно передёрнула плечами, потянувшись за конфетой. Учитель, услужливо опередив её, расчехлил наполовину шоколадный батончик и поднёс к губам юной гостьи, которая только откусила краешек и посмотрела на Роберта Ивановича. На шоколаде ровные следы молодых, крепких зубов.

Учитель многозначительно посмотрел в глаза девушки, шутливо поцеловал надкушенную конфету и с наигранным чувством наслаждения отправил батончик в свой резко очерченный кавказскими усиками рот.

– Шампанское пусть пока подождёт, а мы сейчас коктейли приготовим, да? Ты любишь коктейли? – улыбаясь глазами, спросил учитель.

Дина неопределённо развела руками.

– Ну, тогда – вперёд!

Роберт Иванович взял из рук девушки недопитый бокал и поставил его на столик.

Из плоской стеклянной фляжки с затейливой наклейкой немного плеснул в бокал жидкости чайного цвета. Обрезал с одного конца небольшой, как теннисный мяч апельсин, зажал его в кулаке и стал сдаивать в бокал сок, затем сдоил лимон, туда же плеснул ещё из фляжки, добавил сахарной пудры, положил несколько кубиков льда из холодильника. Подумав, добавил ещё шампанского, которое, вскипев, быстро погасло. Перемешал содержимое серебряной ложечкой.

– Вот теперь – в самый раз!

Роберт Иванович, подняв свой бокал с чайной жидкостью из той же фляжки, предложил гостю выпить – за любовь, крепкую как этот напиток, за короткое, как пузырьки шампанского, счастье молодости, за вкус жизни, который можно почувствовать, как хорошее вино из бутылки, которую надо только распечатать. И вот тогда можно пить и пить, наслаждаясь букетом, сотворённым умелым виноградарем.

Такую закрученную, пышную фразу сотворил Роберт Иванович, гордясь своим красноречием.

То ли непривычная, волшебная, романтическая обстановка, в которую её заманили, то ли выпитое за свободу человека распорядиться самим собой, на что больше всего нажимал учитель, восхитили простушку Дину. Стало свободно и легко, словно не она, а весенняя черёмуховая почка, скинув с себя тесную одеревеневшую скорлупу, распустилась белым цветом.

Присутствие мужчины перестало смущать её, теперь безвольную и податливую.

Всё остальное случилось быстро и неожиданно. Здравый смысл улетел вместе с остатками разума. Короткая сладостная боль внизу живота прошла, как вспышка яркой молнии, после которой следует проливной дождь. И он хлынул, затопив девушку, и понёс её в бурном потоке, кружа в водовороте, как хлипкую лодочку, потерявшую гребца и рулевого.

Глотая толчками воздух, чтобы не захлебнуться, она очнулась, но только уже на другом берегу.

Её учитель и наставник долго извинялся за случившееся, разглаживая ладонями помятые брюки праздничного костюма.

В узком туалете Дина торопливо привела себя в порядок, ещё не осознавая, как всё это отразится на её дальнейшей судьбе.

5

Этой весной наконец-то вернулся из армии долгожданный и ненаглядный сын Пелагеи Никитичны – её Дима, чуть не сорвав с петель тугую избяную дверь.

Стоит, смеётся, солдатский китель нараспашку – свобода!

Самой хозяйки дома не было, и так случилось, что солдата встретила её смущённая квартирантка.

На резкий порывистый гром в коридоре, так непохожий на тихие шаги тёти Поли, так звала квартирантка свою хозяйку, Дина выскочила из постели, да так и осталась стоять, не зная, что делать дальше. Она даже не успела застегнуть халатик, из которого выпрастывалась ночная рубашка.

Сегодня занятия были во вторую смену, и Дина позволила себе дольше обычного понежиться в постели. И теперь вид девушки был совсем не тот, чтобы стоять вот так перед молодым незнакомым парнем.

Она сразу же догадалась, что перед ней тот самый сын тёти Поли, статный, красивый с озорным блеском в глазах.

Пелагея Никитична ушла сегодня пораньше на рынок, не чуя и не ведая, что творится теперь у неё дома. «Сы-нок!» – не раз звала она его во сне, а теперь он – вот он здесь!

Солдат стоял и крутил головой во все стороны – наверное, за время службы и казарменного распорядка, он отвык от этих стен просмоленных временем, от летучих занавесок в мелкий голубенький цветочек, от распушившейся герани на окне и теперь вспоминал – всё ли здесь на месте.

Вид полураздетой девушки несколько не смутил его:

– А-а, вот кто хозяйничает у нас в доме! – озорно сдвинул он форменную фуражку на брови.

Дина опрометью бросилась за занавеску, приводить себя перед зеркалом в порядок.

А демобилизованный солдат Дмитрий, сын тёти Поли, всё ходил по дому, непривычно скрипя половицами, и посмеиваясь, что-то бубнил себе под нос.

От своей приветливой хозяйки Дина знала о солдате всё или почти всё.

Пелагея Никитична, вспоминая о сыне, становилась разговорчивее обычного: «Это ж надо такому случиться – прямо в скорой помощи опросталась! Четыре кило с половиной малый родился. Врачи удивлялись – богатырь парень! Болеть – болел. А как же без этого! Один раз скарлатину из школы принёс. Температура под сорок. Губы обметало. Бредит родненький! Всё сердце мне изорвал! Напугал до смерти. А он пролежал так три денёчка, открыл глаза – есть давай мамка! Попил молочка с мёдом, и, как рукой сняло эту проклятую скарлатину! А так вроде и не хворал... Как учился, говоришь? А как теперь учатся? Восемь классов кончил – и в ПТУ. Там на токаря выучился. Рукомесло получил. На завод взяли по третьему разряду. Уже и денешки стал домой приносить. А тут в армию ушёл. Девчонки были? А чего же им не быть рядом, коль парень, сама увидишь, какой! Он весь в отца пошёл. Хваткий. Отец его вот тоже такой был. Всё спешит, раз-два – и дело сделано! Не спешил бы, глядишь – и живой бы с нами сидел... А мой Дима парень хороший, добрый. «Я тебя, – говорит, – мама, никогда одну не оставлю! Хоть и когда женюсь, а всё равно жить вместе будем. Денег заработаем – машину купим. Тебя катать буду!»

Пелагея Никитична посмотрит на свою квартирантку, посмотрит и скажет: «Ну-ну, мешаю я тебе своими разговорами, да? Ты, дочка, учись. Работа лёгкой будет. Не на заводе у станка стоять. Чистая, хорошая у тебя специальность – каждый день с музыкой. Праздник!»

...Дина вышла из-за ситцевой занавески – платьице майское в горошек. Лёгкое. Под платьицем девичья грудь тугая – две голубицы горошек поклёвывают, на шейке жилка голубая бьётся, торкается, молодую кровь по телу гоняет. Ножки статные от ушей растут. Глаз не отве- сти.

Солдат, поперхнувшись, за сигаретой потянулся:

– А мне мать писала про вас! – с растерянности он вставил почему-то «вы». – Вас точно Диной зовут. Я знаю. Такое имя не сразу забудешь. У меня в Армии друг был – радист, я его Динамкой кликал, – почему-то невпопад проговорил он.

– Диной меня дед назвал в честь греческой богини Дианы, наверное. У меня дед чудной был. Скрипач. Вот и я теперь музыке учусь... Я тоже о вас всё знаю – зовут Дмитрий, защитник отечества, уволенный в запас. Так что можно и должно на «ты» обращаться.

– Конечно! – обрадовался Дима. – А то будем жить под одной крышей, а друг друга, как в кино, на «вы» называть! Мы в роте своего сержанта тоже по уставу на «Вы» называли, потому что он козёл был, перед ротным выслуживался. А здесь начальства нет, если только вон печь, пузатая, как наш генерал, стоит.

Дина рассмеялась его неловким шуткам.

– Дмитрий! – протянул он с достоинством тугую, по-мужски жёсткую ладонь. – Прибыл в долгосрочный отпуск, в увольнение! Одним словом – дембель! Который неизбежен, как кризис капитализма. Наш замполит так говорил! И вот – я дома! – Солдат пододвинул табурет к столу и сел, покручивая замысловатый брелок на пальце.

Дина тоже опустилась рядом на стул, не зная, как вести себя дальше, хотя от первого смущения не осталось и следа.

Дима плёл какие-то небылицы из солдатской жизни, армейские анекдоты. Старался показаться остроумным и весёлым собеседником.

Квартирантка явно не оставила парня равнодушным.

Почувствовала это и сама виновница такой разговорчивости отставного солдата – зашевелился ласковый котёнок за пазухой, защемили мягкими лапками девичье сердечко и не отпускает.

Пелагея Никитична, как вошла в дом, так сразу и охнула, уронив на пол тяжёлые сумки с продуктами:

– Ах, сыночек! Голубь мой сизокрылый! Сокол ясный! Вернулся. Вернулся, мальчик мой! – она прижалась к сыну щекой. – Большой-то ты какой! Больше отца будешь! – оглянувшись, гордо посмотрела на квартирантку и чему-то потаённо улыбнулась.

Солдат, смахнув соринку с глаза, прижал к себе легкое, сухонькое тело матери, приговаривая:

– Ну, что ты? Что ты? Вот я весь тут! Отслужился! Теперь с тобой рядом жить буду. Чего плакать-то? – И уже совсем застенявшись своей минутной слабости, выпростался из материнских рук и полез в карман за куревом. – Я пойду во двор покурю, а ты, мать, пока успокойся! Чего плакать?

– Ну, ты совсем мужиком стал, – вздохнула Пелагея Никитична, – уже и мамой меня называть стесняешься. Чего так теперь? Кури здесь, не прячься! От дома видать совсем отвык! Ох, и большой ты стал, Димочка! Костюм выходной теперь тебе мал будет, да и рубашки тоже... Ну, ничего, ничего, мы тебе новое купим!

Курить в доме да ещё в присутствии матери Дмитрий, действительно, стеснялся. Несмотря на свой возраст, он на самом деле всё ещё чувствовал себя школьником, вернувшимся домой с запоздалого гуляния. Вроде, как обещался прийти с улицы к обеду, а вернулся к утру на другой день и вот теперь не знает, чем оправдаться за долгое отсутствие.

В такие годы трудно ощущать себя полностью самостоятельным человеком, не мальчиком уже и не мужчиной ещё. Так, – зелёная веточка на дереве с не отвердевшей сердцевинкой, гибкая, вся в зелёных листочках.

– Ты уж, дочка, пропусти сегодня занятия. Сама видишь у нас радость какая! Поможешь мне на кухне сыночка угостить. Мы с тобой сейчас стряпать будем, – уговаривала тётя Поля Дину не потому, что сама не управилась бы с приготовлением праздничного обеда, а больше для своей квартирантки старалась.

Пусть с парнем поближе познакомится, молодые ведь.

Пелагея Никитична, как-то и сама не заметила, что стала Дину дочкой называть, и та тоже привыкла на «дочку» отзываться.

Думает мать солдата, гадает: «Что же теперь будет? Изменится всё. Сын вернулся, студентке съезжать придётся, а жаль. Девочка она послушная, тихая, чистоплотная, не как эти, тьфу! лахудры голоногие! Другую квартиру теперь не скоро найдёшь, да и дочке куда деваться? Её чего не попросишь – всё сделает. Послушная. Добрая. По улицам не шляется, после занятий сразу домой идёт. Вот бы Димуше такую невесту! Может, даст Бог, слюбятся. Посидят за столом рядышком, пообвыкнуться. Ох, ох, ох!»

Пелагея Никитична на приезд сына водочки припасла, вина сладкого, снеди разной. Душа чувствовала. Поэтому пораньше и на базар пошла. А он всё равно, – как снег на голову...

Закипело, заскворчало на плите.

Квартирантка тоже не без дела сидит; картошку чистит, мясо отбивает, на салат ловко овощи стругает – лучок, чесночок – всё честь по чести!

А Пелагея Никитична бегают вокруг стола, хлопочет.

Вот и стол накрыт. Тётя Поля – так студентка привыкла ее называть – рядышком с сыном Дину посадила. Говорит: «Хозяйкой будь! Глаз с Димочки не своди – чтобы в тарелке полно было, а в стакане чуть-чуть! Не приведи Господи, лишнего выпьет! Молодой ещё, краёв не видит. А ты, дочка, доглядывай! Вон прошлой зимой его одноклассник Пашка Ионкин напился, так пальцы в култышки обморозил. Но сынок мой до армии не пил, ничего не скажу. Принесет, бывало конфет с полочки и вина лёгонького, сладкого. Скажет – давай, мамулёк, посидим! Праздник себе устроим! Ну, с ребятами иногда гулял, куда ж денешься? Но не зряшничал, не хулиганил. Дай Бог, чтобы всегда такой был!»

Соседи повидаться пришли. Выпили по стопочке, пожевали, пожевали, повздыхали по своим детям и разошлись.

Молодёжь пришла, с кем до армии кружился, улицу копытил. Сидят за столом, плечи расправили – мы тоже защитники! Всяк себя показать желает.

Музыку принесли. Блатняковые песни ухарские, с надрывом да с надсадом по ушным перепонкам ударили. Уголовной романтикой потянуло, угарным дымком – «Давай, давай, делай, голубочек белай!»

Тёти Поли это не понравилось. Да и Дмитрий ещё не отвык от воинской строгости.

За столом своим друзьям курить не разрешил. Все потянулись во двор, прихватив с собой и остаточную выпивку.

Дина с Пелагеей Никитичной стали со стола убирать, посуду мыть. Погуляли – и хватит! Молоды ещё – без меры водку хлебать, дурь свою тешить! Выпили – и довольно! Вон, как раскричались, негодники!

Тётя Поля попросила Дину сходить на улицу, привести сына домой. День-то как быстро пролетел! Уже смеркается!

– Дмитрий! – крикнула во двор Дина. – Тебя мать домой зовёт, что-то сказать хочет!

Тот что-то увлечённо рассказывал, окружившим его друзьям, и сразу не понял, что его зовут домой.

Дина подошла к ребятам и снова позвала парня.

Кто-то из ребят, матерясь от избытка чувств, облоупил сзади девушку и протолкнул её в середину круга. Ещё не успела она, как следует возмутиться наглой выходкой парня, как её обидчик уже лежал на земле с расквашенным носом, скуля по-собачьи.

Дмитрий, не оглядываясь на сбитого своего друга, взял Дину за руку, подвёл к ещё не успевшей отцвести черёмухе, и усадил на скамейку.

– Диман, ты чего? Я ведь только так, пошутить! – гундосил рядом парень, приложив к разбитому носу платок. – Ты бы предупредил, что это твоя девушка. Хочешь, я извинюсь перед ней?

– Да иди ты, Витёк, домой! – как научишься обращаться с девушками, так приходи. А теперь – давай, топай!

Витёк, сморкнувшись под ноги кровавыми сопельками, смиренно пошёл за калитку.

Остальные ребята, видя такое дело, тоже потянулись следом.

Черёмуха росла прямо перед домом, занавешивая белой кисеей уже горевшие в ночи окна, где, судя по метавшейся тени, хлопотала тётя Поля, убирая остатки праздника.

Дина попыталась встать со скамейки, чтобы пойти помочь хозяйке с мытьём посуды.

– Ничего, Дина, посиди! Мама и сама без тебя справится. Видишь, как здесь хорошо! – Дмитрий, задрав голову, с наслаждением втянул терпкий густой запах уже начавшей привя-

дать черёмухи. Было видно, что он несказанно счастлив этим вечером. Молодое сердце упруго билось в груди, предвкушая наслаждение предстоящей вольной и радостной жизнью.

В кудрявой кисее черёмухи выхваченной из чёрной наволочи ночи горящим светом окна, возилось, гудело, жужжало припозднившееся братство насекомых, словно здесь, на празднике возвращения, в белой кипени бокала, шумело пьяное вино.

Как-то незаметно рука девушки оказалась в широкой ладони парня, сухой и горячей, как печь в зимнюю стужу.

Говорилась всякая чепуха, которая в такие моменты кажется самой откровенностью.

Тётя Поля, обеспокоено выглянула во двор, но, увидев сладкую парочку под черёмуховой подвенечной накидкой, потаённо улыбнулась и снова осторожно закрыла дверь.

Она счастливая ложилась в постель, не выключая света, и он долго горел в её окне, так долго, что майский рассвет недоумённо заглянув в окно, рассердился – по какой такой надобности люди жгут электричество, когда солнце уже на подходе?

Но спрашивать было не у кого: хозяйка спала крепким, забывчивым сном, а Дина с Дмитрием всё говорили и говорили о чём-то, не замечая подступившего уже будничного утра.

Но будничным утро кажется только в холодном рассудочном возрасте, когда в сердцах белая пороша дней замела все следы беспечной юности.

Каждое утро – праздник жизни.

Певчие звуки весны твоей жизни всё ещё звучат небесными колокольцами, надо только прислушаться к себе.

Под черёмухой с подувядшим цветом двум счастливым и молодым колокольчики звенели особенно упоённо. Околдованные небесной музыкой, они даже не заметили, как рассвет положил свои прохладные ладони им на плечи, заглядывая голубыми глазами в их одухотворённые лица.

6

Жизнь под одной крышей двух молодых людей с небезразличными чувствами друг к другу неизбежно должна была привести к такому логическому концу, который никак бы не огорчил Пелагею Никитичну.

Она с родительским удовлетворением замечала, с какой нежностью смотрит её сын на квартирантку, и никакой ревности не возникало в её любящем сердце матери, – что поделаешь, Дима вырос и у него должна быть своя жизнь. Таков удел каждого родителя – вырастил – из рук выпустил. Как в народе говорят, – дитя до тех пор дитя, пока поперёк лавки лежит, а как вдоль улёгся – то не углядишь, как улетит.

Пелагея Никитична всё боялась спугнуть своё материнское счастье: вернулся со службы целым и здоровым её сын, вон мужик какой! На работу устроился, на завод свой, снова токарем работает. Женихается по всему виду с её постоялицей – не какой-нибудь приبلудной девкой, у какой только и на уме по углам обжиматься да сигарки, эти самые, сосать! А её квартирантка не такая – уважительная, скромная, по ночам не шляется, вся на виду. Музыкантшей будет. Учёная...

А жизнь тем временем шла своим чередом. Вот уже и та черёмуха под окном сбросила своё невестино одеяние, облетели листочки, и стоит она теперь нагая, чернея кисточками терпкими и вязкими. Возьмёшь в губы ягодку, повалёшь, повалёшь такую во рту, раскусишь, а там зёрнышко потаенное, твёрдое – язык, как рашпиль становится, жёсткий.

После возвращения сына, дом тёти Поли обрёл настоящего хозяина – даже половицы, стали скрипеть веселее, и в окна зачастило заглядывать солнце.

Дима по вечерам почти никуда не уходил. А, куда ему ходить и что искать, если ему и так хорошо!

Дина придёт с занятий, бросит портфель в угол, покружится, покружится перед зеркалом, заставив парня отвернуться, и снова за стол – готовится к занятиям.

Дмитрий по хозяйству управляется, когда свободен, всё работу себе выискивает – то забор возьмётся перелицовывать, то крышу чинить. Да мало ли какие дела по дому, век не управишься, коли ты хозяин рачительный! Вот брёвна привёз берёзовые для печки, пусть жуёт вволю! Взял у соседа бензопилу и весь вечер жужжал до самой ночи, пока все брёвна не перекромсал на кругляши.

Теперь ему работы ещё прибавилось.

Дина сидит перед окном, а Дмитрий уже – вот он! Под самым окном пристроился дрова рубить, здоровьем хочет похвалиться, ловкостью.

Дина выйдет во двор, вроде перерыв себе сделать, а Дима давай ещё рьянее топором махать, да кхекать – мужик, ничего не скажешь! Только мускулы бугрятся, пот на спине поблескивает.

То ли от свежих берёзовых дров, то ли от молодого мужского тела, необъяснимый такой запах начинает будоражить девичье воображение сладостными видениями. И тут уже не до уроков: плывут перед глазами буквы, а смысл слов, составленный из их очередности, не доходит до сознания. Беда одна! Отвернётся от книжки в другую сторону, а там – тоже самое – Дмитрий смеётся, смахивает пот со лба.

Присядет рядышком, вроде как покурить, да так и не сдвинется с места, забыв про топор и кругляши берёзовые...

И слабеет студентка телом, дышит прерывистой волной, и отставной солдат не в себе, курит сигарету одну за другой, а до поцелуев робеет.

Это только на вид он такой решительный и крепкий, а с Диной он совсем мальчиком становиться, вроде и с девушкой наедине никогда не был. Да и когда быть-то! До армии с друзьями водился, хулиганил понемногу, винцо портвейное по углам пить учился, драться тоже приходилось, а вот с девушками целоваться не получалось. Скучно с ними, тоска берёт, никакой тебе свободы, вроде обязан чем-то! А потом армия, казарма, тайга кругом, в увольнении только голодную волчицу можешь повстречать или медведицу с медвежатами.

Вот и мыкается парень. Погулять по городу приглашал, в кино сидели. А на танцы Дима ходить стеснялся, какой он танцор! Да и студентка не настаивала. В городском саду на летней площадке осенью неуютно; то драка завяжется пьяная, то милиция с дружинниками облаву сделают.

А с Димой ей и так хорошо.

Пройдутся после кино по городской набережной туда-сюда, и опять на скамейку под черёмуху облетевшую.

Дело шло, хоть и медленно, но уверено, к свадьбе.

От добра – добра не ищут. Дина тоже ждала решающего момента, но только сказка скоро сказывается.

Уже зима порошит дорожку к той заветной скамейке, уже каникулы зимние наступили, уже домой студентка собралась на каникулы, чемодан укладывать стала, а тут Дмитрий подошёл.

Мялся, курил, кашлял в кулак, всё пытался что-то сказать необходимое и важное, да не решался.

– А я вот домой собираюсь! На поезд меня проводишь?

– Оставайся здесь! Чего там, в деревне делать? Приглашай свою маму сюда! – он решительно повернул девушку лицом к себе. – Ты – не против, если я к ней в зятя попрошусь, а? – осмелился он, хоть и окольным путём, подъехать к сути, ведь решил он всё уже давно, наверное, ещё с той первой встречи, когда переступил порог своего дома, да так и застыл в дверях.

Дина ждала такого разговора, ждала и вот дождалась.

Дима был по-настоящему её первым парнем, с которым она хотела бы связать свою жизнь. Те однократные встречи, случайные школьные поцелуи, провожания домой с танцевальных вечеров никогда не рассматривались на перспективу.

От многочисленных домоганий она сама уклонялась, оправдываясь своей занятостью или вымышленной головной болью.

Другие встречи как-то не переходили в привязанность...

Даже то происшествие новогодней ночью на квартире у преподавателя не оставило сколь-нибудь заметный след в её жизни.

Хотя след кое-какой остался.

Куда же ему, этому следу деваться? Но тревоги за последствия она не ощущала. Вон ещё со времён древних инков в Мексике существует обычай дефлорировать девочек в раннем детстве при купании! И ничего, живёт народ, не комплексует. Говорят, от этого только темперамент повышается.

Стоит посмотреть латиноамериканские сериалы, чтобы убедиться, что всё – о-кей! Белый свет на этом клином не сошёлся. Подумаешь – не цельная! Ну и что? Все девочки делают это!

Хотя она в душе, конечно, понимала, что лучше бы этого не делать.

Но эти легкомысленные рассуждения хороши только тогда, когда ты ни перед кем не отчитываешься за своё прошлое. Мало ли что в жизни может случиться?

И вот теперь, после предложения Дмитрия, сделанного как бы вскользь, в шутку, до Дины стала доходить вся неотвратимость её легкомысленного поступка с Робертом Ивановичем. Ведь он её не насиловал, не принуждал к этому. Вся вина учителя была лишь в том, что он был опытным любителем студенческой клубнички.

По разговорам, у него многие девочки побывали на квартире, когда жена гостила у родственников.

Даже в строгом уголовном кодексе, если всё это происходило без принуждения, никакого наказания не предусмотрено. С молодой девушкой после семнадцати лет такие процедуры – вершина мечтаний для любого мужчины.

– Ты что же, замуж меня взять хочешь? – с наигранной беспечностью спросила она парня.

– Ага! – он обнял Дину и закружил её по комнате.

В последнее время они сблизились настолько, что короткие робкие поцелуи стали переходить в долгие, затяжные, как парашютные прыжки, с замиранием сердца.

Но до другой близости дело не доходило. Хотя отказа не получилось бы.

Диме было трудно переступить ту грань, которая могла бы резко изменить их отношения. Подростковая робость ещё гнездилась и не отпускала уже не мальчика, но и не совсем мужчину.

Дину не то чтобы безоглядно закружило поднявшееся из глубин женского существа чувство, которое туманит голову девочке-подростку, нет, женщины взрослеют быстро, и предложение парня ее, конечно, взволновало, но не лишило чувства рассудочности.

Жизнь в городе – это не то, что деревенское существование.

За время учёбы в Тамбове, Дина свыклась с пусть скромными, но всё-таки благами цивилизации, и со страхом стала думать над тем, что после окончания училища ей неотвратимо придётся ехать по распределению в какую-нибудь Свищёвку, вытирать сопли юным дарованиям, обучая их основам нотной грамоты в колхозной музыкальной школе.

А теперь, после замужества она останется по свободному распределению и вполне может устроиться на работу в детский сад, где всегда не хватает воспитателей с музыкальным образованием.

А ещё всякие самодеятельные ансамбли, заводские кружки, где можно на договорной основе подработать добавку к детсадовской, в прямом и переносном смысле, зарплате.

Домик у тёти Поли с хорошей крышей над головой. Дмитрий, парень именно тот, который ей нужен, пусть и не собирает звёзды – семейный по натуре человек, и он ей, конечно, не безразличен.

На вокзале, провожая Дину, жених, держа её за руку, сказал, что они сразу же пойдут в ЗАГС, как только она вернётся с каникул.

Теперь прощальный поцелуй был более спокойным и нежным, исчезла торопливая порывистость и нетерпение. Оба чувствовали себя заговорщиками, которые по-детски поклялись хранить очень важную для всего мира тайну.

«Пусть и мама приедет!» – с упором на слово «мама» крикнул он ей в окно, когда пригородная электричка медленно поплыла по стальной колее.

Он долго стоял на пустующей платформе, провожая влажным мальчишеским взглядом, выходящий последний вагон в боязни, что электричка вот-вот соскользнёт с промороженных рельс, и тогда самого страшного не избежать.

7

Всё когда-нибудь проходит, прошли и студенческие каникулы.

Дина вернулась из деревни вечером, когда жених широкой лопатой, сделанной из фанерного листа, торил в наметённом за день сугробе дорогу к дому, словно знал, что его студентка сегодня вернётся, старался, чтобы не утопила она в рыхлом снеге своих лаковых сапожек, которые так зазывно обтягивали её восхитительные ножки.

Дорога шла мимо заветной черёмухи, которая теперь снова была вся в цвету, так свежий снег приукрасил её ветви, что они нагнулись, как тогда нагибались под тяжёлыми чуть подвевшими кистями, в лепестках которых уже тяжелела крохотная, пока ещё зелёная завязь.

Осенью трудно было себе представить, что это кривое сучковатое дерево вновь оденется белым цветом, правда теперь холодным и льдистым на ощупь.

Мягкие прохладные ладони застали парня врасплох, заслонив ему глаза. Короткий смешок – и сердце, молодое сердце, запрыгало в груди так, что стало трудно дышать.

– Ди-на! – задохнулся парень.

– Ну, – капризно опустила она руки, – с тобой и пошутить нельзя!

Дина вышла из-за спины Дмитрия, присела на краешек той скамейки, где они проводили летние вечера.

Теперь, хоть она и была в белой шубке, пушистой до бровей шапке, а он всё равно видел её в коротком ситцевом сарафанчике, сквозь ткань которого проклёвывались, как жадные птенцы, кончики грудей.

Дима, как тогда, снова сглотнул вязкую слюну:

– Ну, какая же красивая ты!

Действительно, – отдых в деревне, парное молоко, румяные пышки, морозец и свежий воздух пошли ей на пользу.

Мать не нарадуется на свою голубушку – вон, какая выросла берёзонька статная!

Сперва, по вечерам Дина по школьной привычке ходила в старый, отдающей сыростью и талым снегом, клуб. Но он ей скоро наскучил: танцы под заезженную магнитоу с вечно пьяной местной ребятнёй её не воодушевляли.

Парни все свои, с детства знакомые, куражились, хватали, за что ухватят, с намерением затискать куда-нибудь в мышиный угол, или тащили «в два прихлопа, в три притопа» топтаться с ними на скрипучих, залузганных семечками досках давно не мытого пола.

О скором замужестве Дина перестала думать, как только отошла её электричка, но где-то в глубине сознания тлел уголёк в надежде разгореться и стать семейным очагом.

Теперь, когда Дима, бережно отряхнув с её шубки снег, заговорил о женитьбе, она, не раздумывая, согласилась. Он сразу же засуетился, отбросил лопату в сторону, потом поднял её, воткнул в сугроб и потащил Дину в дом сказать матери о помолвке.

Пелагея Никитична встретила ликующее заявление сына совершенно спокойно, словно давно уже об этом знала. Добрая женщина перекрестила их, поставила на колени, сняла со стены потемневшую, намоленную икону великомученицы Варвары, подержала её над их головами по старому русскому обычаю, заставила перекреститься каждого и поцеловать образ, что было ими сделано, хотя и без особого энтузиазма.

Для «молодых», воспитанных во времена агрессивного атеизма, Господь и все его святые находились так далеко, что туда ни один самолёт и ни одна космическая ракета не долетят.

Но, что делать? Надо уважать родительницу, и они, склонив головы, приложились к закопченному, чёрному дереву иконы, в которой жила животворящая сила.

Как не упрашивала Пелагея Никитична молодых сыграть свадьбу, чтобы было всё, как у людей, молодые наотрез отказались – хлопотное и недешёвое мероприятие! Лучше на эти деньги справить Диме хорошую одежду, из своей, доармейской, он уже вырос, да и мода теперь другая, – и нечего зря деньги на ветер бросать!

Такому разумному решению Пелагея Никитична, конечно, не перечила, хотя деньги на свадьбу она потихонечку собирала, ещё тогда, когда сын служил в армии.

Из деревни приехала мать Дины, поплакала потихоньку в платочек, обняла зятя, попросила беречь её девочку, поцеловала в лоб – с тем и согласилась.

После того, как молодые расписались, собрали стол, посидели в малом кругу, хорошо выпили, попели песни – чем не свадьба? Людям глаза не замаслишь!

В то время широкие свадьбы с телеаппаратурой и мордобоем, битьём посуды, цветными шарами, громкими хлопками салюта, слава Богу, ещё не вошли в моду.

8

Группа ОМОНа в количестве трёх рослых, одетых в камуфляж парней прибывшая в тамбовское музыкальное училище по звонку уборщицы тёти Маши, без особого труда прихватила наручниками жилистые запястья Дмитрия и увезла в дежурной машине туда, куда указывал уголовный кодекс России.

Парень не артачился, вёл себя смирно, только попросил прикурить ему сигарету, что и сделал один из омовцев примерно того же возраста, что и Дмитрий, сын добрейшей Пелагеи Никитичны.

Арестованный отпираться от содеянного не стал и, угрюмо глядя куда-то мимо человека в погонах, стал давать подробные показания.

Он, Космынин Дмитрий Павлович, такого-то года рождения, токарь вагоноремонтного завода, будучи в нетрезвом состоянии – выпил пол-литра водки – пришёл в музыкальное училище, чтобы встретить после занятий свою жену Космынину Дину Алексеевну, студентку второго курса. А в учебном классе, споткнулся возле рояля, за которым сидел преподаватель Роберт Иванович (фамилии не знаю), просто так, без внешней причины, схватил табурет стоявший рядом с музыкальным инструментом и ударил этим предметом учителя Роберта Ивановича по голове, отчего тот упал на пол – и всё! И больше он, Космынин Дмитрий Павлович, ничего дальше не помнит, потому что был в сильном алкогольном опьянении.

А то, что он табуретом проломил голову педагогу Роберту Ивановичу, помнит хорошо.

На вопрос: за что вы нанесли увечье гражданину Плешакову Роберту Ивановичу, может быть, в целях самозащиты? Дмитрий ответил отрицательно. Просто ему не понравилась физиономия педагога Роберта Ивановича – и всё!

«Алкогольная агрессивность», – уточнил следователь. «Может быть...», – ответил подследственный.

Дознаватель, покачивая умудрённой головой, только успевал строчить показания подозреваемого в преступлении.

Он, не вникнув глубоко в сущность конфликта, готовил на суд заключение о злом нападении на Плешакова Роберта Ивановича, посмеиваясь про себя, детской наивности задержанного.

«Во, парень шьёт себе дело! – с восхищением цокал следователь языком. – Как по писанному чешет! И в УК заглядывать не надо! Налицо 206 статья с отягчающими обстоятельствами. Каждый бы день таких сговорчивых ребят, глядишь, годика через 2–3 в советники юстиции выдвинули бы, или в генпрокуратуру. Не всю же жизнь возиться с такими пьяными дебилами, да с бытовухой беспросветной! Жуть, а не служба!» Следователь, бросив авторучку на тощее дело гр. Космынина Д.П., закинул руки за голову, с хрустом потянулся и посмотрел в ту сторону, куда, не мигая и не поворачивая головы, смотрел подследственный.

Там, в окне, уже стояла настоящая весна.

В пока ещё холодной синеве неба, плыли свободные в своём полёте редкие облака. Высоко и чисто небо! Просторно. Плыли в любую сторону... На ещё голой ветке чахлого деревца, неизвестно как выросшего на каменном карнизе казённого здания, запрокинув антрацитовую голову, клекотал горлышком, словно пил холодную синеву, певучий скворчик.

Два человека в следственном изоляторе думали каждый о своём.

Следователь о суконном тесном мундире капитана внутренней службы и скудности денежного довольствия: «Пятнадцать лет в органах, а всё на мелкоте сижу! Жена пилой ржавой пилит. За неудачника считает. Все по крупному берут, а ты щепотку, и то не возмёшь! А с этой шпаны, – следователь повернул брезгливый взгляд на Дмитрия, – чего взять! Он за свою свободу держаться не хочет. Давал ему наводящие вопросы, а он всё твердит, что у него психоз алкогольный был. Небось, и бутылку водки за свободу не поставит дегенерат! Эх, служба, мать её так!»

О чём думал сидевший напротив крючкотворца-следователя молодой парень?

Кто ж его знает, о чём может думать попавший в беду человек, пристально глядя в небесную, вольную пронзительную синеву, с поющим скворцом на ветке весенним чистым апрельским утром?

Наверное, одна единственная мысль, как в полене гвоздь, сидела в его мозгу, и не было никаких клещей, чтобы вытащить её оттуда.

А скворец сидевший на тюремном, чахлом от недостатка питания деревце, цепко ухватившем мшистые старые камни здания жгутами корней, тот скворец пел хвалебную песню жизни и без стеснения призывал свою подругу к ритуалу продолжения рода.

Скорый на расправу наш народный суд приговорил гражданина Космынина Дмитрия Павловича за разбойное нападение на советского педагога и воспитателя молодого поколения при исполнении им служебных обязанностей к пяти годам тюремного заключения общего режима, учитывая его положительные характеристики с места работы и чистосердечное признание.

Потерпевший, Плешаков Роберт Иванович, учитель и страстный любитель ранней клубнички, после черепно-мозговой травмы стал постепенно меняться в худшую сторону.

Блеск в глазах перешёл в угрюмую задумчивость, появилась какая-то осторожная вежливость при работе со студентками, а некоторым, которых было большинство, и вовсе стеснялся смотреть в глаза, как будто пришло время отдавать долг, а денег в наличии не осталось.

Прокурор, весьма довольный результатами расследования вопиющего хулиганского случая в учебном заведении, в обвинительной речи настаивал на максимальном сроке заключения для подсудимого гражданина Космынина Д. П. – восемь лет лишения свободы в колонии

строного режима. На просьбу заводского коллектива взять хорошего специалиста Космынина Дмитрия Павловича на поруки, судья ответил отказом, с чем и согласились судебные заседатели.

Огрузнувшуюся сразу после зачитания приговора, ничего не понимающую мать подсудимого, поддерживала под руку молодая, ещё более похорошевшая в печали красавица сноха, ни на минуту не оставляя без внимания пожилую женщину – то валерьяновую таблетку даст, то успокаивающе по плечу погладит, как будто была виновата в чём перед свекровью.

Подсудимый от последнего слова отказался, только встав, попросил у матери прощения, велел ей заботиться о Дине, потом долго молча смотрел на свою молодую жену и, горько улыбувшись, отвернулся к стенке, чтобы не показывать свою тяжёлую слезу.

Несчастливая Пелагея Никитична умоляла сына при коротких свиданиях рассказать ей, – как же он пошёл на такое? За что невинного человека покалечил? За что себя приговорил к тюремной решётке? За что? За что?!

Ничего не ответил ей сын, только виновато смотрел себе под ноги и тяжело дышал.

Она умоляла и свою сноху рассказать ей, что же произошло такого, что её Димуша чуть не убил учителя.

Дина только пожимала плечами и успокаивала свою бывшую хозяйку, а теперь свекровь, что ничего, мол, пьяный он был сильно, а учитель ему, наверное, нагрубил – вот и произошло то, что произошло. А Дима хороший, я его всё равно буду ждать...

– Конечно, конечно, голубь мой! Как же не ждать мужа? Разве можно – не ждать, Господь накажет! – всхлипывала Пелагея Никитична, прижавшись к девушке. – Может, ему и года скостят за хорошее поведение. Он ведь и пьяный всегда мирный был! Да и редко пил эту гадость! За что такое наказание? За что?

Наверное, в России немало матерей, которые задают себе такие вопросы в долгом ожидании своих несуразных сыновей из той страны, где командуют теснины закона.

Внешне на жизнь Дины арест её молодого, ещё непривычного мужа, никак не отразился. Может быть, она стала более услужливой к своей несчастной свекрови, хотя и прежние отношения у неё не вызывали никаких нареканий со стороны бывшей хозяйки.

Бывало студентка спит ещё, а тётя Поля уже на ногах, уже завтрак на столе чистым рушником прикрыт, дожидается, да и квартирантка то полы сама подметёт-помоет, то в магазин за чем сбегает. Скажет: «Ничего, я на ходу лёгкая!» То так посидит вечером, побеседует, чаёк с хозяйскими конфетами-леденцами попьёт-похрустит.

Хорошо вдвоём было – уютно, тихо. А потом всё завертелось колесом, беспокойней стало, как вернулся со службы Дмитрий.

Беды-то – её не ждёшь, она сама в дом вламывается. Вот и окоротала радость в доме! В жизни всегда так – чем больше желаешь, тем меньше надежды. Вроде всё заладилось, а, поди ж ты, случай какой несуразный... Что теперь делать? Что делать?

Лежит Пелагея Никитична, охает, не поймёт ничего.

Она после того случая чаще болеть стала, и долго в постели отлёживаться. Бывало, заболит что – приляжет на часок-другой, и снова на ногах. А теперь всё не то. Руки-ноги разломит, в глазах потемнеет – она ляжет на кровать, да так день-другой и не встаёт. Стонет потихоньку и плачет.

Дина поднимет подушки, что-нибудь ласковое скажет, сготовит завтрак-обед и бегом на свои занятия. А придёт вечером – водички, лекарство подаст, у кровати часок посидит, глядишь, и повеселеет свекровь. Доченькой назовёт. А как же? Димочки нет, утрётся Пелагея Никитична платочком, вздохнёт, посмотрит на сношеньку уважительно – хозяйка молодая в доме. За порядком следит, сама всю грязную работу норовит сделать, даром, что на фортепьянах играет по нотам, а не заносится, не капризничает. Вот только молодая очень, дождётся ли она мужа своего? Соблазнов сколько! А она в цвету вся... Ягодка...

Глава третья

1

Заводской клуб «Авангард» – название-то какое! – авангард, рядом так и просится поставить слово «пролетариат» – собирал по субботам и воскресеньям всю городскую шушеру на вечера танцев.

Это сейчас вошли в моду дискотеки, рестораны и бары, а тогда были просто вечера танцев, что и было на самом деле.

На небольшом дощатом помосте-подиуме сидели, как всегда, в меру подпитые музыканты и наяривали вовсю модную для того времени «летку-енку».

Танец этот сам по себе чудесен, поэтому, наверное, его сейчас и не танцуют.

Пропустив по стакану-другому дешёвого вермута здесь же, в неряшливом буфете, мужская половина, лениво переминаясь, прицельно поглядывала на противоположный пол.

Как обычно, серьёзных намерений на будущее никто не имел, а всё же было интересно.

Большую привлекательность почему-то имели перестарки, лет по двадцать пять и старше, у которых уже появилось «второе дыхание». Наверное потому, что с ними было гораздо проще: ночлег и выпивка с их стороны гарантированы, а хлопот никаких – отработал своё и – свободен!

Публика топталась разношерстная. От школьников до разведёнок.

Простота нравов не предусматривала галантного ухаживания: подошёл – пригласил. Пошла – не пошла. Пошла – проплясал, не пошла – отматерил. И – никаких проблем!

Завсегдатаи знали друг друга. Весело подшучивали. Потопывали. Обжимались по углам. Новичкам, случайно заглянувшим на огонёк, было труднее. Они всегда отличались ищущими беспокойными взглядами.

Девушка, заинтересовавшая Кирилла Назарова, была хоть и новенькой, но не такой, держалась свободно и с достоинством. Таковую отматерить даже у монтажника не получится.

В заводском клубе тесно и душно. Народ всё больше окраинный, заводской, танцуют без претензий, просто, как умеют.

Обычный субботний вечер. Девушек много, но в глазах Кирилла сегодня стояла только она, в сторонке спокойно посматривая на собравшуюся здесь разнообразную публику. Глубокий узкий вырез платья из тонкого чёрного трикотажа рассекал её грудь надвое, открывая небольшие всхолмия, куда сверкающим ручейком стекала холодная кручёная серебряная нить, перетянутая посередине маленьким узелком.

Ручеёк убегал вниз за самый вырез. Кирилла так и подмывало заглянуть туда в эту оболстительную цезуру.

Маленький, тоже серебряный, паучок крохотными коготками жадно впивался в трикотаж платья чуть выше левого соска.

Всего только на мгновение паучок зашевелился, как у Кирилла сразу опустилось сердце, словно он стоял теперь не в клубе, а опять на высоте, у самого обреза, где ему сегодня пришлось работать, доказывая своё право монтажника-высотника.

То ли от обильного света, то ли от лёгкого возбуждения глаза девушки лучились и блистали в этом удушливом и пропитанном всеми пороками пространстве. На вид ей было лет восемнадцать-двадцать, но в ней уже угадывалась по каким-то необъяснимым признакам женщина. И эта необъяснимая сила более всего влекла к себе молодого парня, затмевая внешнюю привлекательность новенькой.

В те времена девственность была нерушимым щитом нравственности молодого поколения, и не так легко и часто как теперь, девушки расставались с этим атрибутом своей непорочности. Выйти замуж не девушкой, можно потом наплакаться.

Поэтому игра-игрой, но – не балуйся!

Почувствовав на себе возбуждённый взгляд молодого симпатичного парня, девушка дружески улыбнулась, и Кириллу ничего не оставалось, как пригласить её на очередной танец.

Девушка знала толк в музыке и движениях под эту музыку. Положив обе руки Кириллу на плечи, она так пристально смотрела ему в глаза, что от её неотрывного взгляда он становился слабым и послушным до того, что не он, а она его водила в следующем белом метельном вальсе.

Со стороны можно было подумать, что танцуют молодожёны или счастливые любовники, пришедшие на вечер, где спрос и предложение находятся в состоянии устойчивого равновесия.

Своей близостью в ритмичных движениях, она явно провоцировала Кирилла на конфузливые столкновения.

То ли от дешёвого вермута, то ли от вожделенного запаха женской кожи, ему стало так душно, что он, нашептывая какие-то пустяки, стал потихоньку оттеснять девушку к выходу из зала.

Она, угадав его желания, выскользнула в прохладу коридора, игриво увлекая его за собой.

Уже и жетон на одежду, как-то сам собой оказался в его кулаке, и белая шубка из кролика уже пушилась рядом, и Кирилл почувствовал в девушке такую близость, что казалось, знал её ни день и не два, хотя за всё время они не произнесли ни слова.

После духоты и скученности клуба, зимний сверкающий огнями вечер окатил сладкую парочку морозной свежестью.

Куда идти? Они весело переглянулись, и, рассмеявшись, пошли по белому тротуару, беспечно загребая ногами снег, подталкивая друг друга плечами.

Кирилл взял из её рук маленькую сумочку на длинном ремне, так, на всякий случай, чтобы не смогла улизнуть от него, нырнув в первый попавшийся подъезд. Такое с ним уже случалось. Но теперь его девушка была беспечна, и решительные действия спутника её не насторожили.

Накатанную ледяную дорожку на асфальте развеселившийся кавалер никак не мог пропустить и, разбежавшись, ухватил спутницу за плечи с намерением прокатиться по дорожке.

Толкнув её вперёд, он сам опрокинулся в снег, шапка и сумочка полетели туда же.

Подняться на ноги Кириллу никак не удавалось, ноги разъезжались, и он снова падал. Бросив попытки подняться, он лежал, весело поглядывая на склонившуюся к нему раскрасневшую девушку.

– Вставай, вставай! – Она дала ему руку в оранжевой варежке.

Кирилл резко потянул свою спутницу на себя, и вот она уже лежит сверху, остужая горячее дыхание на его щеке.

Ну, как тут удержаться от поцелуя?!

Она нехотя освободилась от объятий, встала, отряхиваясь от снега, и подняла свою сумочку и шапку Кирилла.

– На, держи! Не потеряй, там ключи! Хозяйка к сыну уехала, а квартиру мне доверила! – Она снова повесила сумочку ему на плечо и нахлобучила шапку. – Простынешь, а я к тебе в больницу ходить не буду. – Она плеснула ему в лицо горсть сухого колючего снега.

Кириллу было хорошо и зябко, слегка болело от ушиба колено, но это скоро заживёт.

Вермут улетучился так же быстро, как и пришёл, открывая морозную прелесть ночи.

Месяц, тоже молодой и весёлый, лукаво поглядывал со своей звёздной колокольни.

Кирилл по-дружески помахал ему рукой:

– Я – Кирилл! – крикнул он в небо.

– А теперь ты угадай, как меня зовут?

– Кира! – не раздумывая, выкрикнул он, хотя среди его знакомых никаких экзотических имен никогда не встречалось. – Если я Кирилл, то ты, значит, – Кира!

– Считай, что так, но я Дина. А ты вовсе и не Кирилл!

– Да, Кирилл я! Кирилл! Смотри! – Кирилл поднёс к её глазам руку, где на запястье по школьной дурости было татуировано короткое слово – «Кир». – Я не царь персов, но зовут меня точно – Кирилл.

– Ты, правда, меня не знаешь? – недоверчиво спросила она.

– Правда, правда! – он крепко сжал её плечи и немного встряхнул. – Ну, успокойся!

Горячие шары городских фонарей лучились в морозном воздухе и были похожи на раздутые до огромных размеров луговые одуванчики.

Снег под ногами хрустел, искрился, празднично переливался всеми цветами.

Ночь. Зима. Молодость...

Беспечно болтая, Кирилл сразу и не заметил, как они вдруг оказались на старой городской окраине, среди древних, осевших под снегом особняков с дощатыми ставнями, покосившимися заборчиками, с наличниками на окнах.

Светло и тихо, хотя фонари не горели, и большинство окон слепо чернели под заснеженными крышами. Свет, казалось, исходил откуда-то снизу, из-под ног и, поднявшись к небу, растворялся в лунном сиянии.

Возле одного дома Дина остановилась, сняв варежки, стала дуть на пальцы. Холодно. Кирилл накрыл их своими ладонями, как беспокойных птенчиков, и тоже стал осторожно дуть.

Два дыхания, соединившись, превращались в одно маленькое облачко, которое медленно возносилось к небу.

– Вот мы и пришли! – Она нехотя потянулась за своей сумочкой, совсем не скрывая, что ей в этот вечер тоже было хорошо.

В тёмном окне дома, напротив которого они стояли, отражалась ночь и отблески лунного света.

Кирилл, попробовал навязаться ей в гости, оправдываясь тем, что он простыл, и чай теперь его мог бы вылечить.

Неожиданно для Кирилла, она, боязливо оглянувшись на окно, нерешительно сказала: «Пошли, может быть...»

Они нырнули в тень, как в омут, и вынырнули уже на скрипучем крыльце.

Кирилл, задыхаясь, прижал её голову к себе.

– Не спеши! Не спеши! – зачастила она, шаря в сумочке в поисках ключа.

Она вытряхнула женскую мелочевку в ладонь. Нет, ключа не было! Искать и выворачивать сумочку, было бесполезно. Ключ лежал в сугробе там, где его обронили.

– Ищи, ищи! – торопил Кирилл. В его воображении уже радостно мелькали пёстрые картинки не совсем безобидного чаепития.

Дина растеряно развела руками. Нет, ключа не было.

Кирилл мигом скатился с крыльца:

– Пошли искать!

Как бы не так! Кирилл перетряс между пальцев весь снег вокруг той ледяной дорожки. Но тщетно! Разве найдёшь? Маленький ключ в сугробе, что иголка в сене.

Он смущённо развёл руками. Время было позднее, и надо было что-то делать:

– Чего отчаиваться? Ключ от квартиры – ещё не от сердца. У твоей хозяйки ещё один найдётся. Пошли! Я знаю – куда!

Общежитие, где обитал незадачливый провожатый, по выходным дням обычно было полупустым: большинство жильцов разъезжались по сёлам, откуда пополнялась стройка химкомбината, или по родственникам.

Вахтёрши в это золотое время сладко дремали, и провести через турникет девушку не составляло особого труда. Тем более что общежитие мужское, и бабуси, припоминая своё прошлое, на эти забавы смотрели сквозь пальцы. Горсть конфет служила тогда надёжным пропуском. Поэтому Кирилл, не совсем надеясь на успех, предложил девушке этот запасной вариант.

Так и вышло.

Ночёвка на железнодорожном вокзале её устраивала больше, чем холостяцкая постель в незнакомом месте.

На вокзале, кто на тебя обратит внимание. Спи себе спокойно, дорогой человек! Ты в зале ожидания. Ну и ожидай рассвета!

Кириллу самому не раз приходилось пользоваться ненавязчивыми услугами вокзалов. Жёстко спать, но можно.

Махнув рукой на бесполезные поиски ключей, они молча отправились на вокзал.

На вокзале было сыро, зябко и неуютно. Продуваемый со всех сторон зал ожидания освещался скудно, люстры почему-то горели в полнакала.

Слабость освещения, жёсткость эмпэсовских диванов, полусонные, как осенние мухи, ночные пассажиры коротавшие время до своего поезда – всё это нагоняло такую тоску, что Дина, передёрнув плечами, прижалась к своему спутнику, в поисках защиты.

Что делать?

...Через час они уже были в промышленной зоне города, где у Кирилла имелось место в общежитии барачной постройки.

Там, на изрытой котлованами окраине, барак поставили ещё в тридцатых годах, как временное сооружение для завербованных на промышленную стройку рабочих. Но прошло ещё сорок лет, а барак всё стоял и стоит, как стояло и государство его построившее.

2

Дверь в бараке была заперта изнутри на засов, и Кирилл, колотя ногами по дощатой обшивке двери, долго будил вахтёршу.

Старая ведьма, обзывая всякими словами его спутницу, спросила у Кирилла закурить, и после двух-трёх затяжек снова захрапела.

Она была пьяна основательно.

Кирилл брезгливо вытащил из мокрых старческих губ обмусоленный окурок и бросил его в самодельную, из консервной банки, пепельницу.

Дорога в сладкую ночь была открыта.

Но дьявол живёт в мелочах...

Федула! Его сосед по комнате, парень прижимистый и по-бабьи домовитый, за что и получил такую кличку. Он каждые выходные безвылазно сидел в общежитии, женскими заманками не интересовался, пил мало. На все подначки своих товарищей никак не реагировал: посиживал себе в сторонке, похрустывал сахарком, запивая его слабеньким желтоватым чайком из мятого казённого чайника.

Притрагиваться к чифиру, который пили его соседи, он опасался, говорил, что от него будет «сердцебиение». Заваривал чай исключительно травяными настоями, привезёнными из деревни.

При всей своей тупости, Федула был человеком себе на уме. Во взаимоотношения жильцов между собой, которые редко обходились без драк, он не встречал и держался в стороне, хотя по своим данным, в смысле силы, мог бы успокоить любого.

Такие знатоки уголовной этики как Серёга Ухов и Николай Яблочкин, определили бы его масть, как теперь говорят – имидж, – «один на льдине».

Звание «один на льдине» давало Федуде некоторые преимущества: например, если кто брал у него в долг, то отдавал непременно под страхом нарушить уголовные понятия. Одежда и всё его имущество было неприкосновенно, и не потому, что его боялись, а просто из чувства справедливости.

Хотя среди жильцов были совсем другие взаимоотношения. Например, новые туфли Кирилла, которые купила ему мать по случаю окончания школы в первый же день ушли – Сергей Ухов, когда все деньги были пропиты и кормиться стало не на что, не спрашивая новенького жильца, загнал «корочки» тут же Федуде, которому они пришлось в самую пору, хотя немного жали.

Федуде за эту обувку кормил всю комнату целую неделю до самой полочки.

Попробовал бы тогда Кирилл Назаров утаить от жильцов деньги! В толчок его бы окунули – это точно. Если плывёшь в одной лодке, то гребь, как все.

И недавний выпускник средней школы села Бондари грёб, как все...

Брали друг у друга и носили всё, что подходило по размеру, не считаясь с чужой собственностью.

Правда, деньги брать никто не решался, а если и брали займы, то редко когда отдавали. Водка решала долговые проблемы.

По сравнению с расхристанной, безалаберной жизнью юного Кирилла Назарова, судьба «старика» Федуды складывалась вполне благополучно.

Выпроставшись из навозной жижи, в которой он барахтался с детства, работая на скотном дворе в захудалом колхозе «Красный Хомут», Федуде за большие магарычи, время было такое, выправил себе в сельсовете паспорт, иначе никуда не тронешься, – советское крепостное право не разрешало колхозникам самовольно покидать место жительства.

Во, как было! Не поверишь!

Так вот, получив паспорт и вытерев пучком соломы кирзовые сапоги, он подался в Тамбов, без особого угрызения совести оставив в деревне Красивка одинокую старую мать.

В то время было не так-то просто устроиться на работу, да ещё без прописки.

Потолкавшись по заводским и фабричным отделам кадров он, по совету одного доброго чиновника, пришёл в монтажное управление, где его тут же определили молотобойцем в кузнечное отделение мастерских монтажных заготовок.

Позже, по стечению обстоятельств, к этому берегу прибило и молодого, но довольно разбитного Кирилла Назарова, который, спасаясь от милицейского надзора, устроился учеником слесаря-монтажника по совету юного блатняка Яблону, в миру Коли Яблочкина, кажется ставшего потом киллером по досадному недосмотру его ангела хранителя.

У «старика» Федуды водилась копейка, несмотря на то, что часть своих денег он исправно отсылал матери. На баб и на вино он не тратился, а на еду ему хватало с лихвой, тем более что в рабочей столовой обеды были дешёвые и сытные.

Конечно, и по возрасту и по отношению к жизни среди жильцов рабочего общежития он был белой вороной, но ребята его за это не клевали – опасно было, да и Серёга Ухов говорил: «Пусть живёт!»

С такими качествами характера Федуде у любой русской бабы цены бы не было, а он всё прозябал один на жёсткой солдатской железной койке.

На женщин, баб этих, он был не завистливый, и они, каким-то своим шестым чувством мужика в нём не признавали, сторонились. Выстаивались обочь, шеренгой, поджидая пьяницу и дебошира, который на другой день после свадьбы расквасит в морковь шаловливый носик, что до свадьбы много кое-чего о мужчинах вызнал и вынюхал.

Правда, та лихая шофёрша, что нечаянно зарулила в их барак, приплясывая на спине, звала его покататься, но он, закрыв голову руками, отвернулся к стене, тихо постанывая.

Кирилл видел, как дёргались его, высунувшиеся из-под одеяла жёлтые пятки в мелких трещинках.

– Федула? А, Федула? – щерился на другой день вечный насмешник Серёга. – Чего же ты лепёшки испугался? Она ведь у баб без зубов. Не кусается!

Федула сидел на кровати и, пыхтя, натягивал на себя голубенькие постиранные кальсоны, которые так же являлись предметом насмешек молодых жильцов.

Носить кальсоны даже в сильные морозы молодёжь считала величайшим позором. Предпочитали лучше отморозить себе яйца, чем натягивать эти голубые сопли.

Федула на шуточки в свой адрес никогда не обижался, а может, только делал вид, что не обижается.

Он тогда громко сопел, надувая розовые щёки, и часто-часто при этом моргал.

Ребята были безжалостны, и безжалостен был мир, который их окружал, растворяя индивидуальность в общем котле.

Ничего нет страшнее одиночества, его бремя невыносимо, особенно, когда ты молод и неискущён в жизни. Держись за стаю, растворяйся в стае, исчезни. Ты потеряешь личность, индивидуум, подаренный тебе Богом, но обретёшь защиту стаи.

Кирилл Назаров рано подчинился этому нехитрому правилу, и ему было хорошо. Если случалось – били, и не всегда несправедливо, ему не было страшно, он знал, что назавтра побьют его обидчиков, и так будет всегда.

Федула грёб по жизни один и часто, где-то сбоку течения, что было непонятно стае.

Его не трогали не только потому, что это было сделать не совсем просто, а потому, что он был покладист и простоват. Поэтому Федуле жилось спокойно в этом «логове жутком» – он никому и ничем не был обязан.

Где-то в глубине души Кирилл завидовал ему, его возрасту, бесхитростности и, как казалось тогда Кириллу, его растительной жизни.

Федула пришёл в мир играть самого себя, а Кириллу приходилось всегда разучивать чужие роли: быть наглым и циничным там, где требовались совесть и милосердие, разыгрывать хвата и оторву, а самому бояться до дрожи в пальцах. Особенно страшно бывало перед дракой и женщиной.

Но он подминал под себя хлюпика, как ему казалось, и труса, и тогда мог, нагло ухмыляясь, идти на кулак или в постель со стареющей нимфеткой. От того и другого его потом тошнило и трясло, но он не мог себе позволить, чтобы кто-то об этом узнал. Потому он даже себе не мог признаться, что втайне завидует Федуле.

Федула был по-настоящему свободным человеком, а Кирилл рабом обстоятельств.

Теперь, спустя много лет, воспоминания не хотят отпускать его и часто вламываются в сон по-бандитски, полуночным кошмаром, и тогда Назаров вскакивает, вопя, с набитым ватным воздухом ртом в тщетной попытке первым успеть ухватить призрак за горло, пока он не повалил тебя. Но в судорожном кулаке только ночь, и ничего больше! И он сидит, ошалело, выкатив глаза, с трудом соображая, что это лишь тяжёлый сон, и в жизни всё невосвратно.

Но это будет потом, а теперь Федула, большой, с тяжёлыми плечами, в голубой линялой майке, предстал перед влюбленной парочкой за странным для мужчины занятием: аккуратно, строчка к строчке, держа щепотью иголку, он зашивал фланелевую рубашку, не потому, что ему нечего было надеть, а потому, что был бережлив и любил во всём порядок.

То ли от неожиданного вторжения гостей, то ли от прелестей подружки своего соседа, он, растерявшись, вонзил иглу в строчку так скоропалительно, что уколол себе палец, и вот он стоял, обалдело обсасывая ужаленный кукиш.

Потом, опомнившись, вдруг засуетился, пододвинул госте стул, приглашая её к столу.

Кирилл с удивлением взирал на него, так непохож он был на обычного «Федулу».

Дина, нерешительно постояв в дверном проёме, оглядела это неухоженное жилище, коротко вздохнула и стала расстёгивать шубу.

И здесь Федула удивил своего товарища: услужливо взяв из её рук одежду, бережно провёл несколько раз по пушистому меху ладонью, как бы разглаживая несуществующие складки, и осторожно повесил шубу на вбитый в дверной косяк гвоздь.

Гостья присела на стул и молча опустила ладони на сомкнутые колени. Было видно, что её расстроило такое грустное продолжение такого счастливого вечера.

Федула кинулся с прокопченным алюминиевым чайником в коридор, где была общая кухня для всех жильцов.

– Как тебе берлога, а? – смущённо спросил Кирилл.

Она неопределённо пожала плечами, осматривая помещение.

Маленькая, слепящая глаза лампочка свисала на почерневшем от времени электрическом шнуре почти над самым столом, освещая его нищенскую скудность: кусок чёрствого хлеба, несколько гранёных стаканов с характерным, никогда не выветриваемым алкогольным духом, разорванную пачку кускового сахара да мятую консервную банку, седую от табачного пепла, набитую окурками.

По вздёрнутым плечам и красным от холода кистям рук было видно, что девушка основательно продрогла, пока они добирались пешком на эту – как её? – фабрично-заводскую окраину, где сгинула в метельном пьяном чаду ни одна молодость.

...И я там был, и ел, и пил, и по усам стекало...

Но это так, лирическое отступление, вспомнилось, да взгрустнулось...

Федула принёс чайник с водой, опустил в него самодельный кипяtilьник сделанный из двух запараллеленных бритвенных лезвий – самый необходимый прибор в рабочих общежитиях. Ток, проходя через зазор между лезвиями, кипятит воду с небывалой скоростью. Всё гениальное – просто. Только, упаси Бог, хвататься в это время за чайник! Убьёт. А если не убьёт, то покалечит. Но зато варить чифир таким способом одно удовольствие, да и получается он несравненно гуще и крепче.

От чифира гостья, разумеется, отказалась, но попросила заварить обыкновенный крепкий чай, но только в стакане.

Федула, как поставил чайник на стол, так и остался стоять столбом, впившись белёсыми глазами в чудом попавшую сюда из другого мира королеву, но если и не королеву, то принцессу – это точно.

Кирилл машинально посмотрел туда, куда был направлен возбуждённый взгляд его соседа. Там, на высокой шее девушки, чуть выше серебряной струйки, бился голубоватый родничок жизни. Казалось, что тонкая матовая кожа вот-вот порвётся от этих толчков, выпуская саму жизнь наружу, как птенца из клетки.

Кирилл ткнул Федулу в бок, показывая глазами на стул, мол, чего глазеть, садись!

Но тот, не глядя сел бочком на краешек стула, всё так же продолжая пожирать глазами гостью.

– Вы работайте, или учитесь? – с хрипотцой в горле спросил он чаровницу.

– Учёба – это тоже работа, – улыбнулась она ему.

– А, где же Вы, если не секрет, проходите учёбу? – по-своему стараясь быть, как можно учтивее, в «светском» духе продолжал он.

Кириллу стало невмоготу от этих словесных ухищрений своего напарника и он, не выдержав, нашарил под столом его ногу и с силой нажал.

Но тот даже не поморщился.

– Где я учусь? – Дина задумчиво постучала пальцами по столешнице, выбивая какой-то музыкальный такт. – В музыкальном училище, где ж ещё! – Она продолжала разговор так, будто пришла в гости к своим сокурсникам, а не в рабочую общагу, где откровенность всегда

осмеивалась, где хозяином был кулак, а законом – лес дремучий. Здесь девушка могла показаться простоватой и по-детски доверчивой, что никак не вязалось с её интеллигентной внешностью.

– Моя специальность – скрипка, – продолжала она, – вы знаете, сволочной инструмент! С детства он со мной нянькается, а я никак не вырасту. Ноту «ля» только осилила. Весь день пиликаешь, словно машину плечом толкаешь. Мозоли на пальцах, как от лопаты! – Она раскрыла ладонь, показывая красные огрубевшие подушечки изящных пальчиков.

От восхищения Кирилл даже вспомнил – где-то услышанное:

– Ему чего-нибудь хотелось, а он скрипачку полюбил!

– Не скрипачку, а циркачку!

– Так его! Так! – радостно гыгыкнул Федула.

Кирилл смущённо всей пятернёй утёр вспотевшее лицо.

Господи, кто только не был здесь, в обрыдлой конуре: и маляры-штукатуры, и продащицы с поварихами, (особенно много было продащиц), и бетонщицы с крановщицами, однажды здесь раздавала свою любовь прямо на скрипучих половицах даже шофёрша, ловко, как на просёлочной дороге!

В барачном общежитии по собственной и не по собственной вине были всякие, но чтобы скрипачка – никогда! Кирилл с недоверием смотрел на девушку.

Рядом на кровати лежала гитара одного «бойца», Серёги, за которую он, как только выпьет первый стакан, за неё родную и хватался. Если гитары в тот момент под рукой не было, то хватался за нож, тогда срочно надо было наливать ему второй, чтобы он сразу не опомнился.

Весь блатной репертуар и вся уголовная романтика проходила под аранжировку этой гитары. Мастер был Серёга на такие песни, от которых у его собутыльников томительно-сладко замирало сердце, и холодок пробегал между лопаток.

За это ему прощалась любая дурь. Что не говори, а в поэзии преступного мира, есть, есть своя прелесть!

– А как насчёт гитары? – опомнился Кирилл и протянул гостье грифом вперёд, на котором фатовато красовался голубой бант, вещий инструмент.

– Ну, на гитаре я не очень, особенно на семиструнной, у нас на курсе всё больше – шести-струнные... Мы на них классику исполняем.

В её руках с помятой талией и облупленным грифом гитара бывшего блатняка Серёги мгновенно преобразилась. Она слегка постанывала под быстрыми пальцами ночной гостьи, когда та стала её настраивать.

– Нет, – протянула она Кириллу инструмент, – эту гитару можно использовать только в качестве табуретки. Нет, не могу!

Кириллу так хотелось похвастаться перед Федулой своей новой знакомой, что он, умоляюще встав на колени, попросил её сыграть что-нибудь, не важно что, но прозвенеть по струнам.

Он, никогда не бравший в руки ни один музыкальный инструмент, обожал музыку и всегда завидовал Серёге или Яблону, что у них так ловко ходят пальцы по струнам – и гитара отзывается, как девушка под ласками.

– Ну, хорошо, хорошо! – девушка прижала к груди гитару и слегка пробежала пальцами по струнам.

Нет, пальцы у неё бегали по струнам не как у его друзей, с отмашкой, а как-то полукругом, слегка касаясь подушечками струн.

«Пальцы ходят твои в полукруг...» – невзначай вспомнилось прочитанное в детстве.

Гитара, немного всплакнув, запела. Запела, как пьяная баба в застолье, протяжно и сквозь слёзы.

О чём она пела и плакала, Кириллу было всё равно, но сердце его застонало. Ему вспомнилась родная деревня, шум берёзы перед домом и утопающая в белой черёмухе улица, мать,

которой неожиданно не стало на свете. Ушла, так и не попрощалась Детские годы, – как при-
снились... И вот теперь снова всплыли из памяти...

Кирилл впервые слышал гитару без словесного сопровождения, оказывается, можно
было – и так!

Гитара, как бы разговаривала сама, сама что-то вспоминала и грустила по воспомина-
ниям – она жила.

Федула, и тот сидел с отвисшей челюстью, смахивая рукавом пот с лица.

Так у них в общежитии ещё никто не играл.

Но Кириллу по-настоящему стало не по себе, когда гостя, сделав над струнами пальцами
полукруг в воздухе, запела низким голосом слова неслыханного никогда Кириллом романса, а
может, это вовсе был не романс, а просто слова какого-нибудь барда.

Позже по настойчивой просьбе Кирилла она не раз исполняла эту песню и под скрипку.
Вот потому Кирилл и запомнил эти слова на всю жизнь:

«Отпусти эту песню, не трогай,
Не коверкай живые слова.
Видишь – месяц стоит над дорогой.
Слышишь – тянется к звёздам трава.
Отними беспокойные руки
От неверно настроенных струн...
По надеждам моим и по мукам
След упавшей звезды полоснул.
Пролетела звезда и потухла —
Искра Божья у самого лба.
Только вздрогнуло чуткое ухо,
Только вскрикнула птицей судьба.
Сердце рвётся к родному порогу.
Долгой думой больна голова...
Пусть он встретится, месяц, с дорогой,
Но до звёзд не достанет трава».

Грустные, обречённые слова этой песни, горькой волной прокатились через рабочего
парня монтажной бригады Кирилла Назарова, смывая с его сердца всю гнусь последнего вре-
мени: пьянство, беспутные похождения, непотребное отношение к женскому полу, такому сла-
бому, и такому лукавому в своей слабости.

Девушка пела, а перед Кириллом извивалась белая от луны дорога, раздвигая влажное
разнотравье луга, расчищая дорогу к его дому, облитому ночным светом, старому, с покосив-
шемся плетнём и чёрными, пустыми под луной окнами.

Вспомнилось недавнее детство, – мама! мама! вспомнились надежды, которым не дано
было исполниться. И такая жуть его охватила, что Кирилл, не выдержав, вышел в холодный
коридор.

Прислонившись лбом к ледяному стеклу, он долго всматривался в ночь, но кроме отра-
жения огонька своей сигареты там ничего не увидел.

Тяжёлая ладонь Федулы не сразу вернула его в реальность. Крепко сжав ему плечо, он
хрипло сказал: «Пойдём к малярам спать!»

Возмущённый Кирилл было дёрнулся обратно в комнату, соображая наиболее приемле-
мый вариант: «Надо куда-то Федулу сопровождать. Не ночевать же им втроём в одной комнате».
Но резкий и короткий удар в печень перегнул недавнего счастливица пополам.

Кирилл, скрючившись, сразу присел, с усилием заглатывая воздух.

Федула – молотобоец, и рука его была хорошо поставлена на удар. От горячего металла и тяжёлой кувалды она потеряла всяческую чувствительность.

Ткнув Кирилла ещё раз в поясницу, он разогнул его и бережно повёл в соседнюю пустую комнату.

По своей оплошности Кирилл совсем забыл, что комната маляров-штукатуров была свободной, и там он вполне мог бы остаться с ночной гостьей, без Федулы.

Но теперь, при таком обороте, с Федулой было лучше не спорить, и он покорно пошёл за ним.

Жалобно скрипнула пружина железной сиротской койки, с готовностью принимая молодого парня в свои объятия.

Спокойно спать Кириллу в эту ночь не пришлось, близость женского тела, вот здесь, рядом, через стенку, не давала покоя. Внутренним зрением ему всю ночь виделось, как его гостья лежит, по-кошачьи выгнув спинку, в сладкой девичьей истоме.

Утро было серым и пасмурным. В три этажа матеря Федулу, Кирилл, ещё как следует не протерев глаза, сунулся в свою комнату.

Но там вечерней сказки уже не было.

Фея улетела, не оставив после себя никакого следа, кроме тонкого аромата летучих духов.

Постель была заправлена, комната проветрена. Всё – оставалось на свои местах.

Позже, днём, в надежде отыскать её дом, Кирилл перебаламутил всех собак на западной окраине города, где они вчера с ней кружили, но это оказалось пустой затеей. Выходной день пропал на поиски.

Дома, все как один, были похожи на тот, в котором жила его вчерашняя знакомая.

Ощущая на себе осторожные и неодобрительные взгляды местных жителей, к которым он, стучась, приставал с вопросами, ему ничего не оставалось, как вовремя покинуть тихую окраину, иначе он непременно бы налетел на чей-нибудь решительный кулак.

Пришлось возвращаться обратно в барак.

Федула как-то нехорошо усмехнулся, глядя на поскучевшего напарника, но вчерашней темы не затрагивал.

Кирилл мысленно послал его на три нехорошие буквы, нарезал сало, очистил большую луковицу, молча налил стакан под самый обрез водки, которую предусмотрительно прихватил по дороге домой, дурашливо крякнув, привычно опрокинул его и, отвернувшись от всего мира, завалился спать.

Завтра будет не до романтических раздумий под горластые крики – «Вира!», «Майна!»

3

На другой день Кирилл пришёл с работы раньше обычного, начальник участка в связи с гололёдом и собственным нетрезвым состоянием отправил бригаду в краткосрочный отгул.

Барак был пуст и Кирилл, обрадовавшись редкому состоянию покоя, завалился на кровать, скинув с плеч тяжёлый пропахший мёрзлым железом ватник.

Положив затёкшие от долгого стояния в автобусе ноги на трубчатую спинку кровати, он блаженствовал возле ребристой батареи отопления. Глаза сами по себе блуждали по потолку за вялой, ожившей в тепле мухой.

Нехорошо это, когда зимой вдруг, ни с того ни с сего, тяжело, как гружёный бомбардировщик, закружит вот такая зараза, загудит, смахивая потрепанными крыльями с потолка сыпучую побелку. Поймать бы её на всякий случай, или сбить с лёта, но Кирилл уже начал сладко подрёмывать, вспоминая удачные моменты в своей жизни.

Федулу почувствовал только тогда, когда тот с веником в руке пытался загнать похмельную муху в задымленный тёмный угол комнаты, где на правах пахана, жировал огромный чёрный паук по кличке «Копчёный».

Дремоту как ветром сдуло!

Интересно всё-таки, как поведёт себя старый разбойник, раскинувший сети, в самом подходящем месте.

Вот уже очумевшая жужжалка, истерично взвизгнув, стала слабеть и слабеть в объятьях Копчёного.

«Ну совсем как целка!» – сказал бы в этом случае Яблон – Коля Яблочкин.

Но Николая рядом не было, а Кириллу это сравнение было ещё не знакомо.

Через минуту всё было кончено. «Копчёный», запеленав в мутную седую паутину свою ненаглядную, быстро от неё отпрыгнул и скрылся в щели за отвалившейся штукатуркой. После затяжного в засос поцелуя своего обожателя, муха обомлела и больше уже не дёргалась.

Федула сел на стул, зажав веник петушиным хвостом между колен:

– Ты – вот что! Ты Яблону не больно слушай. Он своё отмотал и ещё отмотает, а тебя туда же толкает. Вы зачем тогда на Шацкой улице ларёк подломили? Что? Из-за этих пяти бутылок водки тебе охота? Охота туда?.. – Федула неопределённо махнул рукой куда-то в сторону.

Он сидел перед Кириллом на солдатском тяжёлом табурете, отлитом, словно из чугуна. Этим табуретом сосед по комнате, психованный Микола Цвигун, хохол ненормальный, проломил у них дверь, когда вся комната, включая Федулу, раскинув колоду карт, мучили время за подкидным дураком, а Миколу показалось, что его баба у соседей гонки устраивает.

Всяких людей видел этот барак, но чтобы кто по бабьему вопросу скандал поднимал, – до Миколы таких не было. Здесь каждый знал золотое правило общежития, которое звучит примерно так, если перевести на современный язык: «Не занимайся любовью там, где живёшь, и не живи там, где занимаешься любовью».

Так что табурет Федулой был конфискован на полном основании и по закону.

«С чего бы это Федула стал таким заботливым и внимательным к моей персоне? – думал Кирилл. – До этого особых чувств к себе я не замечал...»

– Ну подумаешь, делов-то всех – ларёк! Не банк же грабили. К тому же, Светка, продавщица та, сука несусветная, никогда раньше одиннадцати часов у неё бутылки не выпросишь. «Указ, – говорит, – правительства, вам, алкашам водку не продавать. Чего это я страдать буду? За риск платить надо!». Вот мы её и проучили – взяли, сколько унесли, а унесли всего десяток бутылок да колбасы два круга. Подумаешь! Зато весь барак на рогах ходил. Вон Микола опять свою жену по комнатам ищет, до сих пор никак мозги не отпарит. А дело чистое! Колюха дверь с петель снял и пломбу не затронул. А, коль пломба цела, так попробуй, докажи, что ларёк грабили! Может вы Светлана Васильевна водочку со своим ухажёром попили? А? Следовательно в такое дело не ввяжутся, да и Светка заявлять не станет, зато ребятам праздник сделали. Федула, ты же знаешь, что мне больше одного стакана не надо – оправдывался Кирилл. – Мы же весь барак угощали, один ты не пил. Надо было и Светку наказать, чтобы лишнее с ребят не брала! Яблон сказал, что жадность фраера губит. Да я и не входил в ларёк. Колюха меня просто на «атасе» поставил.

Федула отложил в сторону веник:

– Кирюша, – сказал он как бы, между прочим, – чего ты валяешься? К музыкантке своей сходил бы... В кино сводил или здесь в тепле посидели бы, чайку попили... – Федула, нагнувшись, загремел в тумбочке банками. – Вот варенье из лесной ежевики. Покушай! Девушку угостишь...

Дом, где жила Дина, – не найти, а музыкальное училище рядом с театральной площадью, но одному идти в такое заведение было страшновато, и Назаров неожиданно пригласил с собой Федулу. Вроде её родственника, если потребуется обращаться в учебную часть.

К удивлению Кирилла, Федула с удовольствием согласился:

– Сходим, выручим пацана! – бойко ответил он. – Чего я буду здесь бока пролёживать. Может, и кино посмотрим?

– И в кино сходим! – обрадовался Кирилл.

На улице мело. День был сырой и вяжущий. Наверное, весна на часок заглянула к матушке-зиме. Сипуга – называли такую погоду старые люди. Мелкая извёстка талого снега больно секла лицо, и Кирилл хотел, было уже повернуть назад, но Федула потянул его за рукав:

– Возвращаться нехорошо. Счастье своё потеряешь. Пошли!

Музыкальное училище, которым не без основания гордился Тамбов, стояло в центре города. Из его стен вышли многие известные музыканты и композиторы. Хорошее училище, старинное. Оно ещё с царских времён верой и правдой служит русской культуре.

Здание представляет собой архитектурный шедевр девятнадцатого века и строго охраняется законом, как памятник зодчества. И фасад из тёмно-красного обожженного кирпича, и белые высокие с овалом наличники окон, и чердачные фонари, напоминающие лиры, и тяжёлые кованые решётки полуподвальных окон – всё говорит о величии и одухотворённости былой культуры. Фасад училища запирает бывшую Дворянскую улицу со стороны высокого берега Цны, реки, в названии которой слышится стремительный отзвук воровского поцелуя.

В здании училища было тепло, и празднично горел свет. За невысоким дощатым барьером, где была раздевалка, сидела чистенькая седая старушка вахтёрша, которая почему-то сразу подозрительно осмотрела с ног до головы вошедших и, отвернувшись, недовольно и брезгливо поджала мятые губы.

Весь её вид говорил о том, что вошедшие – лишние на этом празднике, и делать им здесь нечего, и говорить она с ними не собирается.

Кирилл, вальяжно расстегнув куртку, облокотился о полированный барьер турникета, а Федула в сторонке растеряно переминался с ноги на ногу у самого входа, боясь затоптать натёртый до блеска паркет, в котором отражались высокие бронзовые люстры.

Выручил резкий, нервный звонок окончания занятий. Откуда-то сбоку, сверху и снизу по узеньким резным деревянным лестницам выпархивали яркие, как бабочки, студентки.

Кириллу, привыкшему к грубым серым рабочим одеждам и циничному мату стройплощадок, девушки эти казались принцессами из старых сказок.

Он даже и не предполагал, сколько красавиц может быть собрано в одном месте.

Впервые в жизни ему стало неловко в этом цветнике и стыдно за свой довольно заурядный вид. «Ну, ничего, ничего, – высокопарно успокаивал он себя, – они цветы, а я тяжёлый лохматый шмель-золотое оплечье, и моё жало всегда наготове, чтобы из этих бутончиков, из ярких пахучих лепестков, собирать сладкий нектар жизни». Во как! Даже сам удивился...

Что сказать? В этой ветвистой банальности наглая самоуверенность. Бравата. Ни дать, ни взять – закоренелый циник.

Но это было совсем ни так. Кирилл сам в душе боялся признаться, что робеет среди хороших студенток, которые не матерятся через каждое слово и, наверное, не умеют даже сморкаться под ноги...

Кирилл хотел было проверить своё обаяние, метнув взгляд на один такой «цветочек». Но вдруг краешком глаза заметил Дину и тут же позабыл всё на свете: свои циничные шутки, грязь отношений с женщинами, свою забубённую жизнь в рабочем общежитии, в этом загоне, где томилась его юность в ожидании несказанной встречи с той, которая умоет его душу светлой живой водой настоящей любви.

Дина о чём-то весело щебетала с подругой, не замечая в дверях своих случайных ночных знакомых.

На ней теперь был лёгкий чёрный свитерок и мягкая ворсистая цветная юбка-шотландка, которая едва прикрывала яблоки колен. Два небольших полушария девичьих грудей острыми сосками натягивали трикотажа – наверное, лифчики здесь были не в моде.

Почувствовав на себе чей-то цепкий взгляд, она быстро повернула голову, скользнула глазами по коридору и сразу отвернулась к подруге, потом, видимо что-то вспомнив, снова посмотрела туда, и, узнав своих знакомых, растеряно улыбнулась. Быстро сказав что-то подруге, она подошла к ребятам.

Высокие коричневой кожи сапоги плотно держали её икры.

Кирилл непроизвольно скользнул глазами туда, где между краешком юбки и обрезом сапог, белели по-женски округлые ноги.

От этого дурмана у молодого парня сбилось дыхание, и Кирилл стал медленно распускать душивший его шарф.

Но самое невозможное было в её улыбке, улыбке человека, прислушивающегося к таким звукам, которые не может слышать никто другой. Её улыбка была как бы про себя, молчаливая улыбка, никому не предназначенная, словно ей нащёптывает что-то её ангел-хранитель или потаённый бес.

Так и стояла она со своей странной улыбкой перед Кириллом, искоса и мельком взглянув через его плечо, на нелепого, в своём мужиковатом облики Федулу.

– Пригласи девушку в кино, – пробасил он за спиной Кирилла, – в такую погоду лучше в тёплом месте да вместе...

– Ой, правда! Пойдёмте, в «Родину», там «Весна на Заречной улице» идёт!

Кинотеатр с патристическим названием «Родина» рядом, только перейти через площадь.

Перешли, вернее, перебежали под зимним ветродуем площадь Ленина и остановились перед колонным, освещённым огнями фасадом.

Над фасадом огромными буквами полыхало в снежной замяти название знаменитого фильма, в котором разыгрывалась драма злободневная на все времена – любовь и ещё раз – любовь.

– Ну, давай! – Кирилл протянул, как бы прощаясь, ладонь Федуле. – Гони в общагу!

– Не, ребята, я как-нибудь с вами! Можно? – наклонился он над подругой Кирилла.

– А-то нет! – рассмеялась девушка над неуклюжей простецкой формулой человеческой навязчивости.

Кириллу оставалось только неодобрительно взглянуть на Дину. Но в снежной крутоверти она этого не заметила. Или не хотела заметить.

Вышли из кинотеатра молча.

Фильм, где производственное сливалось с личным, был настолько близок рабочему человеку и настолько лирична любовь в нём, что молчал даже Кирилл.

Федула только шмыгал носом и тихо кашлял в кулак.

Самое удивительное, что за время сеанса погода успокоилась, и как всегда бывает после метели, небо очистилось от мглистой наволочи, и наградило себя за взятую высоту звёздами всех величин.

Вечер был на удивление тих и ясен.

Успокоенный он лежал на крышах домов, на ветвях застывших в немоте деревьев.

Снег мягкий и пушистый извинительно ластился к ногам, как набедокуривший котёнок. Даже месяц, от удовольствия быть на виду, сладко жмурился.

Возле автобусной остановки Дина взмахнула рукавичкой:

– До свиданья мальчики! Гуд бай! Бай-бай!

– Ну, уж нет! – Кирилл развернул Дину за плечи и шутливо притянул к себе. – Не хорошо, девушка, так поступать с друзьями! А поцелуй?..

Дина провела рукавичкой по весёлым губам парня, подала руку Федуле и заспешила к подъехавшему автобусу.

К удивлению Кирилла, Федула с несвойственной ему прытью в два прыжка обогнал девушку и заслонил ей дорогу, раскинув руки.

Кириллу ничего не оставалось, как последовать за ними.

– Ну, пожалуйста, побудьте ещё с нами! Пожалуйста! Мы вас проводим, ей-богу!

Федула с таким жалостливым видом стоял перед девушкой, что та громко рассмеялась:

– Ладно, ладно! Только не на долго.

Кирилл, показывая на небо, заговорил стихами Есенина:

– Когда светит месяц, когда светит, чёрт знает как, я иду головою свесясь, переулком в знакомый кабак!

Дина в раздумье потрогала сапожком снег, провела им полукруг и озорно посмотрела на своих провожатых:

– Ну, в кабак, так в кабак! – весело тряхнула головой. – И что вы мне предложите на ужин?

– Бифштекс я гарантирую! – прикинув в уме свою наличность, сказал Кирилл.

– На ужин скромно, но совсем неплохо, если бифштекс – с кровью!

– Кровь-то зачем? – пробурчал рядом Федула. – Я лучше вам вина возьму к бифштексу.

Кирилл снова удивился: «Ну, Федула! Ну, жмот! Это, по какому же случаю, он раскошелывается?»

Самый ближний путь был до привокзального ресторана и самый удобный – цены там не такие кусачие, как в городе, а готовят прилично.

В ресторане тепло. Уютно. Люстры хрусталём в глаза брызжут. Празднично. Официантки все молоденькие в белых коронах, в школьных фартучках с кружевными оборками:

– Сюда пожалуйста! Сюда!

Сели «сюда». В гранёных, тяжёлого литья вазах, косыночки жмутся – салфетки губы вытирать.

– Что кушать будем? – это официантка.

– Та-ак... Три бифштекса с макаронами и три чая. – Кирилл для верности нашарил в кармане счастливо оставшиеся от полочки деньги.

– И, пожалуйста, три порции глинтвейна, но горячего, – повернулась в сторону официантки Дина, тем самым, ввергнув Кирилла в отчаянье – всего, что было в кармане, вряд ли хватило бы оплатить столь скромный заказ. Он что-то читал, у Диккенса что ли, о разных экзотических напитках, которые пили его герои маленькими глотками, согреваясь у камина после английских туманов.

Федула, не поняв значение слова «глинтвейн», заказал сразу, с плеча, бутылку водки, вставив в конце – «Если можно?»

– У нас всё можно! И водочки можно! – оживившись от последнего предложения, ласково пропела официантка.

Тут же на столе появилась бутылка водки, которая была уже открыта, и три ёмких фужера, наверное для того, чтобы эту бутылку тут же прикончить за один заход. Потом, через невозможные минут десять-пятнадцать приплыли на голубых тарелочках вожделенные бифштексы, прикрытые, как салфетками, яичницей-глазуньей.

Теперь можно приступать и к водочке.

Кирилл непроизвольно сглотнул набежавшую слюну. Сегодняшний обед в рабочей столовой был далёк, как вчерашний день.

Кирилл по-хозяйски налил до половины фужера себе и Федуле, и немножко плеснул девушке.

– Ну, чтоб хорошо было всегда! – поднялся со своего места Федула, держа на вытянутой руке искрящееся под люстрами золочёным ободком розовое стекло фужера.

Дина тоже поднялась и прислонила свою посуду к Федулиной.

Кирилл с неохотой, чуть оторвавшись от стула, присоединился к ним.

– За любовь и нежность! – почему-то обозлившись, съязвил он. Потом добавил заведомую банальность. – За присутствующих дам!

– Ну коли так, то мне придётся выпить за присутствующих кавалеров! – в тон ему ответила Дина и выпила без обычного в таких случаях жеманства свою порцию водки.

С морозцу выпили ещё.

Не отказалась и присутствующая «дама».

Бифштекс с глазуньей под водочку само-собой были хороши. Сразу стало как-то просторно и легко.

Раздевалка в ресторане не работала – Кирилл расстегнул куртку, Федула снял свой полушубок «чёрной дубки», как он говорил, и положил его, поглаживая, как верного пса, у самых ног.

Дина, тоже развязав свой пушистый шарфик, сидела враспашку.

Всем было хорошо.

Кирилл, взглянув, на пустую пепельницу, потянулся за куревом.

В те времена курящих женщин было совсем немного. Поэтому Кирилл не стал предлагать девушке свою дешёвую рабоче-крестьянскую «Приму».

Но к его неудовольствию она попросила сигарету и себе.

Не заметив укоризненного взгляда парня, Дина глубоко затянулась, запрокинула голову, и тонкая струйка дыма, кудрявясь, выросла из её таких невозможных губ.

Кирилл только проводил глазами взлетевшее к люстрам лёгкое голубое деревце:

– Лихо! Где же это ты так научилась?

– А мы ещё в школе это проходили! – она улыбнулась, показав из розовой раковины губ ослепительные жемчуга.

– А теперь закрепляешь пройденное? – съязвил Кирилл.

– Ага! – Дина, раззадоривая парня, пустила в его сторону несколько колечек, прошив их насквозь тонкой струйкой – такое, не всякому курильщику со стажем удаётся сделать.

Кирилл решил повторить этот фокус, но он у него не удался.

– Уметь надо! – буркнул Федула, по-бабьи разглаживая на столе и без того гладкую скатёрку. Он раздобыл от выпитого, красное лицо его разгладилось, мясистые губы выражали полное удовольствие. – А не выпить ли нам ещё чего-нибудь?

Официантка, передёрнув передничек, с готовностью подошла к столу.

– Вы ещё нам глинтвейна, кажется, зажилили! – шутливо напомнил ей Кирилл.

– А вы что, уже уходите? – соскучившись по разговорчивым клиентам, спросила она с сожалением.

– Пора! У нас поезд уходит! – стараясь быстрее расплатиться, показал он на часы. Денег в обрез, а на Федулу, что надеялся!

– Сию минуту! – Она почему-то вытащила из кармана зеркальце, посмотрелась в него, чиркнула по губам дежурной помадой и ушла на кухню.

Глинтвейн оказался просто горячим портвейном с плавающим кружочком лимона и чёрными ноготками корицы. Вкус отвратительный, но пить можно.

Официантка, озабочено посмотрев в маленький блокнотик, назвала сумму, которую Кирилл мог легко оплатить, не потеряв лицо.

Он с облегчением полез в карман, чтобы расплатиться.

Но тут Федула с несвойственной ему поспешностью вскочил со стула, забрался по локоть в полушубок и, опередив Кирилла, стал быстро отсчитывать деньги:

– Я угощаю, я и расплачиваюсь!

Кирилл, довольно хмыкнув, опустился на стул. Глинтвейн подействовал на него расслабляющее. Стало уютно и немного жарко в этом полупустом казённом заведении. Он положил ладонь на руку раздурманенной и такой ставшей простой и доступной спутнице. Её ладонь была горячей и немного влажной, что ещё больше повышало чувственный градус Кириллу.

А, гулять, так гулять!..

– Ещё бутылочку шампанского! – крикнул он вслед уходящей официантке.

Та обернулась и подошла к столу:

– А, как же поезд?

– Поезд подождёт! Мы его больше ждали! – Кирилл весело подмигнул такой компанейской, такой красивой, такой интересной во всех отношениях спутнице на сегодняшний вечер.

Спутница раскраснелась от вина и духоты в зале, её повлажневшие глаза лучились молодым здоровьем, и вся она казалась Кириллу такой доступной и близкой, что и говорить нечего.

Хмель подстегнул его воображение и развязал все узлы. Теперь он сам себе казался таким неотразимым и удачливым, что скажи ему, что это совсем не так, он тут же кинулся бы на обидчика. Но вокруг сидели порядочные люди, которые коротали своё время и никак не заглядывали, да и не хотели заглядывать ни в чью душу.

Федула расстегнул фланелевую рубашку, выпуская наружу кустистую рыжеватую поросль на широкой груди. В таком блаженстве его вряд ли кто видел раньше. Что скажешь? Меняется человек. Может, ему тоже стало казаться, что за его плечами плещутся крылья высокого полёта. Кудесник-хмель ещё и не то делает!

Выпили по бокалу шампанского...

– Кирюша, давай ещё водочки, а? А то эта кислятина в нос шибает!

Кирилл хоть и был охочий до хорошей выпивки, но он тут решил попридержать коней, увидев, как Дина протестующе выставила ладонь:

– Фёдор, в следующий раз мы обязательно выпьем водочки, а теперь достаточно! Отдохнули, чего ещё?

Но Федула уже подозвал официантку, и та с поспешливой готовностью принесла ещё один графинчик водки.

– Куда! – Кирилл придержал руку своего товарища, когда он, расплёскивая на скатерть водку, пытался наполнить фужеры. Было видно, что с непривычки могучая фигура молотобойца заводской кузни стала давать сбои. – Мы пошли!

Федула пьяно хмыкнул и опустился на стул:

– А я гулять буду!

– Может, хорош, Федя?

– Кто хорош? Я – хорош? – Федула только взмахнул рукой, и пузатенький стеклянный графинчик забулькал в его губах.

Федулу явно тянуло на «подвиги», в которых Кирилл сегодня никак не хотел участвовать. В другое время он и сам бы поддержал его порывы, но не сейчас.

Пока Федула покачиваясь и бормоча, вытирал губы, он, показав спутнице глазами на выход, приобнял своего пролетарского друга:

– Ну, давай, гуляй! – пожал ему руку и пошёл вслед за девушкой.

Та в мутном вокзальном свете остановилась возле доски с расписанием поездов.

Кирилл обнял её сзади за плечи:

– Где он, твой поезд Счастья, идущий до станции Любви?

Дина горько улыбнулась его пошловатой шутке:

– Мои поезда в тупичке стоят...

– А что так? Машинист загулял?

– Ага, с рельсов сошёл!

– Кто сошёл? Поезд?

– Да нет! Машинист, наверное!

Дина поправила на голове парня сбившуюся на затылок шапку, взяла его за руку и они вышли на пропахший дымом и дизельными выбросами перрон.

Поезд Москва-Астрахань празднично светясь окнами, устало сопя, подкатывался к заснеженной платформе.

Кирилл с завистью смотрел на пассажиров, проплывавших в голубоватом свете; кто-то уже готовился ко сну, застилая казёнными простынями ватные матрацы, кто-то играл в карты, а кто-то из любопытных всматривался в ночной город, прижавшись лбом к стеклу.

Было видно, что в поезде тепло, по-зимнему уютно и чисто. Со стороны можно было подумать, что этот протяжённый городок на колёсах живёт счастливо и беззаботно: довольны заботливой и улыбчивой проводницей, дальней дорогой и возможностью озирать меняющиеся пейзажи за окном.

Взгляд изнутри этого поезда, возможно, отмечал бы совсем другое. Наверно, так.

Кирилл подхватил свою спутницу под руку, и они пошли по запасному железнодорожному полотну.

Поезда шли мимо, деловито постукивая по морозным стыкам рельс, товарняки мчались, гремя всеми суставами, и громко ухали, как подвыпившие купальщики после прыжка в ледяную воду.

Дина в сапожках на тоненьких каблучках всё норовила пройтись по стылому стальному полотну, ноги её соскакивали, Кирилл с удовольствием подхватывал её и снова ставил на рельс, поддерживая за руку.

Девушка дурачилась, балансируя на одной ноге, смеясь, закидывала голову к звёздам и снова соскальзывала.

Кирилл ловил её, прижимал к себе, дыханья их смешивались, отчего у парня кружилась в голове и бешено колотилось сердце.

В глубине души он, почему-то остерегался этой близости, хотя и невыносимо жаждал её.

Хмель развязывал потаённые желания, и обычная в таких случаях осторожность улетучивалась.

Потом, сбегаая с насыпи к улице, пытаясь перехватить её маленькую руку, он свалил девушку в ещё мягкий, не успевший уплотниться сегодняшний снег, упал и сам, прикрыв её своим телом. Рука нечаянно скользнула в распах шубки, спутница инстинктивно ойкнула, его ладонь почувствовала скользкий капрон колготок и упёрлась в мягкую горячую податливость, от которой он тут же отдернул руку, как от раскалённого уголька.

Дина обхватила его шею руками, и они покатались под откос, смеясь и радуясь мягкому снегу, весёлому месяцу, подмигивавшему им, своему хмельному порыву и молодости.

Снег родниковой водой стаивал с губ, оставляя на них вкус антоновских яблок.

Ах, молодость! Ах, первоцвет! Соловьиная песнь жизни! Как струна натянутая, как стрела летящая, – звенит, гудит в голове хмель-дурман, то ли от застолья припозднившегося, то ли от морозца лёгкого, жаркого, а то ли кровь свежая яростно рвёт жилы. Не даёт покоя ладонь, помнящая мягкую, нежную, невозможно близкую девичью податливость. Она, эта память, как птица в горсти, живёт, торкается, обжигает – хочется повторить всё сначала. Одно движение... Один порыв...

Кирилл сунул руку в карман, опасаясь своей несдержанности – ещё не угасшее детство противилось непоправимому, стыдилось сладостных желаний созревающего мужчины. А хмель бродит, а кровь стучит, будоража воображение, орошая адреналином каждую клеточку здорового организма.

Молодость лет – ещё не тот возраст, когда свободно, как в поисках затерявшейся вещи шарить по жадному женскому телу, отвлечённо думая о служебных передрыгах на опостылевшей работе.

А здесь всё, – как сжатая пружина, как закипающая вода в котле...

Спутница его была спокойна и, казалось, охватившее парня возбуждение и захлестнувшие его страсти вовсе не касались девушки. Она шутливо провела ладонью по его лицу, засмеялась коротким приглушённым смешком и по-хозяйски взяла его под руку:

– Пошли, пошли! Моя свекровь теперь все глаза проглядела. Нехорошо пожилую женщину разочаровывать в своих надеждах!

– Подожди! Давай постоим немножко! Видишь, как хорошо под луной! Подожди! – не придав никакого значения слову «свекровь» попридержал её руку Кирилл. Ну, свекровь, – это значит, хозяйка у которой студентки снимают квартиру.

Если бы Кирилл знал, что его спутница замужем, и почему-то живёт одна под надзором матери своего мужа, его порыв само-собой от романтических высот направился бы в другое место, до которого так жаден молодой организм ещё не мужчины, но уже и не юноши.

– Останься здесь! – сказала она растерявшемуся Кириллу. – Дальше – нельзя! Дальше – я сама! – И чмокнув его сестринским поцелуем в щёку, быстро-быстро заскрипела снежком и скрылась за поворотом.

В воздухе осталось её пряное дыхание, невидимым облачком обволакивая одинокую застывшую фигуру недоумённого парня.

Глава четвёртая

1

Любовь... Счастливая любовь... Несчастливая любовь...

Во всех этих понятиях отсутствует количественная оценка этого чувства. Наверное, так...

Любовь – или она есть, или её нет вовсе. Она, как ненависть, нельзя немножко ненавидеть, немножко любить – это, как немножко быть беременной.

Несмотря на то, что в слово «любовь» – «делать любовь», «заниматься любовью»: сегодня, в наше прозаическое и рациональное время, вкладывается только одна физиологическая составляющая, один определённый смысл и основа, но человечеству всё-таки в слове «любить» видится совсем другое.

Искусственно, как колорадский жук, перенесённый из-за бугра на российскую почву, тот пошлый фразеологизм губит, уничтожает цветущее древо человеческих взаимоотношений, превращая его, это древо, или в телеграфный столб, или в анчар, истекающий ядовитым соком.

У русских для определения подобных действий есть одно очень ёмкое, точное и предельно короткое слово, которое как раз и убивает любовь, превращая её в будничное ритуальное занятие в браке, или в порочную необязательную связь со всеми вытекающими и втекающими последствиями.

Любовь никогда не бывает счастливой. Счастливая любовь – это конечная станция, обмен кольцами – закольцованность отношений, не стремление к пределу, а сам Предел. Антиномия Канта. Ещё великий Овидий говорил: «Странно желание любви – чтобы любимое было далеко».

Любовь бывает только несчастной и неудовлетворённой ни душевно, ни физически, как магическое, бесконечное число Пи, не имеющее предельного значения и вечно убегющее в неизвестность.

Истинная любовь, как жажда в пустыне вызывающая фантомы неосуществлённых желаний.

Если вспомнить себя, то самые жгучие чувства остались где-то там, в цветущем райском саду юности, робкие и возвышенные, полные сладких миражей и невыносимых страданий. Соловиная пора жизни!

В груди Кирилла поселилась и свила гнездовище, дотоль неизвестная сладкоголосая птица-радость, песнь которой вызвала такой прилив жизненных сил, что, оттолкнув дверь своей барачной комнаты, он хотел было закружить в вальсе Федулу, но того к удивлению не оказалось на месте.

Не особенно вдаваясь в размышления о странном отсутствии своего соседа, Кирилл смахнул с кровати задубелую от металлической ржави и пыли рабочую телогрейку и упал навзничь весь как был на одеяло, чему-то шурясь и улыбаясь в потолок.

В самом имени девушки слышались серебряные колокольчики – «Динь-динь-динь!»

Так он и уснул радостный и поглупевший от предстоящих встреч и будущих взаимных отношений с Диной, девушкой так неожиданно покоровившей его, начинающее рано черстветь и огрубляться в жестоком мужском окружении личность, но всё ещё не утратившая наивную подростковую сущность.

Жизнь, как бы неприглядна она ни была, всегда в своих запасниках хранит свет и чистоту, стоит только отколупнуть её шершавую скорлупу отложений и илистых наносов.

Обязательно у каждого человека в жизни случается то, необъяснимое, заставляющее набухать сердце соками жизни. Так весенняя почка набухает от ласковых прикосновений апрельского солнца, впитывая в себя земную силу, готовясь раскрыться лаковым зелёным листиком или вспухнуть белопенным кипеньем.

Природа придумала любовь не только для размножения, хотя и для этого тоже, но и для оправданий последнего смертного часа с его страданием и предстоящей чёрной бездной.

Сладость любви по своей силе тождественна неотвратимой муке конца. Две стороны одной золотой медали по имени «Жизнь».

2

Федула пришёл утром угрюмый и неразговорчивый с помятым опухшим лицом и синяком под глазом.

На вопрос Кирилла – где он пропадал всю ночь, тот только хрипло кашлянув, припал толстыми губами к чайнику и долго, не отрываясь, сосал и сосал его алюминиевый носик, пока чайник одышливо не ухнул пустотой.

«Ну и чёрт с тобой!» – подумал Кирилл и, обидчиво хлопнув дверью, ушёл на работу.

В кузне Федула не появился. Кирилл только разозлил озабоченного начальника участка, сказав, что у Федулы открылся флюс и тот ушёл в поликлинику лечиться.

– В какую поликлинику? Чего ты мелешь? Зубы лечат в стоматологии и за деньги! А Федула быстрее челюсть потеряет, чем будет платить за какой-то флюс!

– Ну, тогда я не знаю, может, понос?..

– А вот за это, я тебя пока на Федулино место определю. Помахаетесь кувалдой, враз язык прищемишь, говорун хренов!

Так и пришлось Кирюше Назарову поработать весь день возле жаркой наковальни, молотя пудовой кувалдой, прозванной монтажниками за свою изматывающую суть – «тёщей», по раскалённым стальным огрызкам, из которых потом получались крепёжные детали для монтажных соединений.

Вечером Федула был так же молчалив, только пристально посмотрел Кириллу в глаза и улёгся на кровать, показывая всем видом, что он уже спит и чтобы ему не мешали.

Серёга Ухов с Колей Яблочкиным были ещё в командировке, поэтому Кирилл выключил свет в комнате и бесцельно подался, куда глаза глядят.

Заснеженный город лежал перед ним в голубых сумерках уходящего дня, источая медовый свет фонарей на своей главной улице, на той, где тихими голубыми огнями светились высокие окна музыкального училища.

Там, даже сладко подумать, училась его Дина, от которой до сих пор остался привкус свежей клубники в сливочном мороженом.

Может, она теперь весело смеётся с подругами над ним, рабочим парнем с городской окраины, с которым она просто так, чтобы убить время, провела вчерашний вечер. А может, чем чёрт не шутит, когда спит Бог, разучивает какую-нибудь партию с красавцем-сокурсником, тоже музыкантом, тоже увлечённым своими Бахами и Бетховиными вместе с Чайковским...

Уютный высокий свет в окнах пробудил в Кирюше такие сладкие воспоминания по своим школьным дням, что от жалости к себе защемило сердце. Понимание конечности всего сущего, невозвратность ушедшего времени, жалобно заскулили в нём бродячим щенком, потерявшимся на широких пустынных чужих улицах большого города. Совсем недавно, вот в такие же вечера, он сам сидел за партой, высматривая в чёрном омуте окна ускользавшие образы своих мечтаний, вместо того чтобы следить за мыслью преподавателя, объяснявшего разницу между суммой квадратов двух чисел и квадратом суммы этих же чисел. Скучный, тягостный урок, а вот, смотри-ка, остался в памяти, как что-то родное, неизъяснимое, милое...

Очнувшись от воспоминаний, Кирюша тряхнул головой, отгоняя неуместное лирическое наваждение.

Нашёл о чём тужить! Нечего распускать сопли, как гнилой интеллигент. Он теперь сам авангард, гегемон, молодой представитель рабочего класса, на котором, как на оси, держится яростный мир реальной жизни!

Кирилл достал сигарету, закурил, и теперь только до него дошло, что они с Диной не договорились о встрече.

Занятия в училище в две смены. Может, она уже дома или где-нибудь в кино, или с друзьями, а он, как школьник, таясь, высматривает по окнам плетёные косички с бантиками.

Но тут от неожиданности он чуть не свалился в сугроб.

– Ди-на!.. – только и выдохнул он, почувствовав такую слабость в ногах, словно без страховочного пояса стоял на шатучей балке у самого обреза, который обрывается многометровым провалом.

Девушка взяла его под руку и потащила за собой в здание училища, где искрящиеся светом хрустальные люстры разбрызгивали солнечные зайчики на столпившихся в фойе студентов.

Праздником веяло и от залитого электричеством зала, и от гомонящих возле витой кованой лестницы учащихся, и даже от самой, чистенькой, в русском платочке вахтёрши, оберегавшей своих подопечных от чужого присутствия.

Вероятно молодость Кирилла, а, может, и стоявшая рядом с ним одна из студенток, сделали его в глазах благостной охранительницы заведения своим. Поэтому никакого противодействия с её стороны не было, когда они с Диной поднимались на второй этаж в актовыв зал, где студентами сегодня давался музыкальный концерт, посвящённый великому земляку Рахманинову, в честь которого было названо и это учебное заведение.

В концерте принимала участие и Дина, что сразу развеяло все сомнения Кирилла в уместности его пребывания в этих высоких стенах.

Девушка усадила его на одно из свободных мест в последнем ряду, шепнув на ухо, чтобы он ей громче всех аплодировал, когда она выйдет на сцену исполнять Рождественскую литургию.

Музыка, тем более религиозного направления, где экстаз соединения с божественными силами требует высокого душевного настроя, которого у рабочего парня, конечно же, не было, поэтому Кирилл, скучая, шарил глазами по залу и с нетерпением ждал окончания торжеств, на которые он неожиданно попал.

Дина не выбежала на сцену, как до этого, кланяясь, выбегали студенты, объявляя то или иное произведение великого композитора. Нет, она вышла тихо, на высоких каблучках, как на цыпочках, задержалась у рояля, и, казалось, разделяя слова на слоги, произнесла чистым голосом: «Сергей Васильевич Рахманинов... «Всенощная»... Молитвенное песнопение в память погибших за отечество»

Кириллу показалось, что он ослышался – слово-то какое забытое, словно из русских сказок: – «ВСЕНОЩНАЯ»! Сразу вспомнилось когда-то прочитанное: «... И рыщет зверь в ночи, яко тать».

Листая ноты, Дина слегка наклонилась над чёрно-белым опереньем клавиш, выпрямилась, посмотрела в зал, огладила ладошками юбчонку на крепкой девичьей попке, отчего у Кирилла перехватило дыхание, села на высокий на винтовой ножке стульчик и опустила на клавиши пальцы.

Рояльные струны тугие. Они сначала горько застонали, потом по залу прокатился их рокошущий ропот, словно они, вибрируя, стряхивали с себя тлен и пыль времён, в которых лежат, раскинув в глубоком сне руки, русские воины, не потерявшие чести в смертельной схватке с врагом.

Кириллу раньше никогда не приходилось слушать подобные звуки. Но теперь, в этом чудесном, чистеньком и уютном зале вдруг снова привиделась соседка, тётя Дуся, которая рвала на себе волосы, колотясь головой о белёную известью стенку своего дома. Глиняная штукатурка желтым пеплом путалась в космах, сыпалась на плечи, на высокую, ещё не тронутую старостью грудь. Тётя Дуся так выла, что её собака, сбесившись, перегрызла привязь и выла вместе с ней, роняя жёлтую пену на её босые ноги.

Собравшийся народ, только горько цокал языком и разводил руки.

В солнечное окно тёти Дуси, застя свет, влетела чёрная птица из далёкого чужого Афганистана и стала клевать её голубые русские очи, стараясь доклеваться до воспалённого горем мозга. Сын, невозвратный сын тёти Дуси, лейтенант Советской Армии Сергей Трофимов героически погиб на пыльной горячей тропе войны, прикрывая отход своей роты, о чём так громко клекотала чёрная птица, ворвавшись в солнечное окно деревенской русской избы.

И вот теперь эта чёрная птица, обломив одно крыло о дубовый паркет актового зала, поверженная, всё кричала и кричала, вздымая другое чёрное лакированное крыло к потолку.

Птица печали. Птица памяти. Птица скорби.

Кирилл так ушёл в свои видения, что не сразу понял, что студенческий вечер подошёл к концу, и надо покидать зал.

Он даже забыл, что обещал поддержать аплодисментами свою молодую музыкантшу вышедшую на сцену показать своё умение владеть инструментом и сердцами слушателей.

Слушатели – требовательные преподаватели училища, да и сами студенты обошлись аплодисментами и без Кирюшиных запоздалых рукоплесканий.

Дина подошла к нему в тесном маленьком коридорчике, ведущем в тёмные закоулки старинного здания, молчаливо подержала его руку в своих ещё не остывших ладонях и велела подождать её на улице.

На улице, зашторивая город белой кисеей падающего снега, стояла тихая зимняя ночь.

Наверное, в жизни Кирилла Назарова чудесней этой волшебной ночи уже не будет никогда. Так он думал, жадно втягивая густой пахучий дым сигареты, оглядывая сквозь воздушную игру снежинок, убегающую с редкими прохожими главную улицу Тамбова.

Да, наверное, так! Ничто на этом свете не бывает одинаковым. Тем более во времени, убегающем вдаль, как вот эта заснеженная улица.

На этот раз Кирилл угадал своё будущее. Эта ночь была последней ночью его юности. Дальше начиналась зрелость.

3

Дина в заячьей шубке, вязаном берете из белой шерсти, в белых варежках и таком же белом, длинном, почти до самых колен, кашне была настолько очаровательной и красивой в жёлтом свете высокой газоразрядной лампы уличного фонаря, что Кирилл со стоном обхватил её талию руками и крепко прижался к ещё не остывшей девичьей упругой щеке.

Дина только что вышла из дверей училища и не сразу ответила на возбуждённый долгим ожиданием стремительный порыв парня. Она слегка отстранилась, упиравшись варежками ему в грудь, но потом, притихнув, поднесла губы для поцелуя.

О, это влажное дыхание моря! Запах близких водорослей, горечь морской воды со вкусом соли, так похожей на вкус свежей крови.

Всё перемешалось в этом поцелуе, всё сошлось в одной единственной точке: и романтическая восторженность красотой, и зов плоти подхлёстанный древним инстинктом продолжения рода, и просто взаимное влечение юности друг к другу. Все желания и вся мощь молодости объединились в двуединстве этого действия, этой печати, этого огненного знака в земных и небесных сферах.

Любовь глупа и, может быть, в этом её преимущество перед другими чувствами.

Огонь жжёт – и ты отдёргиваешь руку от сильной боли.

Под тобой провал, пропасть, высота неимоверная и боязнь сорваться отшвыривают тебя на безопасное расстояние от обреза.

Вкусовые и осязательные органы спасают твой организм от некачественной пищи, а в итоге – от отравления.

Всё ясно – умный в гору не пойдёт!

И только любовь опрометчива, бездумна и доверчива без оглядки. Зелёная, изумрудная полянка болотистой местности зовёт тебя, ты шагнул – и зловонная чавкающая трясина уже развезла свои ложесна, и чрево её ненасытно...

Одуряющая возможность физической близости шатала молодую пару. Клубы парного воздуха соединялись в одно дыхание, мешались в танцующем полёте снежинок, словно белые ангелочки спускались на своих мягких крылышках, уже соединили их души.

Самое трудное в эти мгновения – остаться каждому в своём одиночестве, и каждый из них не хотел и не допускал мысли об этом.

Не замечая холода и пространства вокруг себя, они бродили по городу, взявшись за руки, останавливались возле светящихся витрин, бездумно рассматривали муляжи в них, целовались, торопливо оглядываясь по сторонам, и снова притикали друг к другу.

Зимние ночи тем и хороши, что они бесконечны, но у них есть один существенный недостаток – ледяная стужа. Жар в груди – он только в груди жар, а снаружи студено и зябко.

В те времена заката социализма, несмотря на привитый кремлёвским властям либерализм, гостиницы были недоступны. Да и кто бы пустил эту сладкую парочку без должных документов о регистрации брака в номер? Это теперь можно любую жрицу и прислужницу Афродиты, да и просто любительницу мужской брутальности привести в любой час дня и ночи в одну из многочисленных гостиниц и съёмных квартир, сдающихся ловкими и оборотистыми людьми на час или по потребности, как того захочет клиент.

Самый главный пропускной документ теперь – деньги.

А тогда – всё не так.

Вот и привела сводница матушка-стужа молодых людей снова к барачным дверям мужского рабочего общежития, где батареи гудят от теплового напряжения, и сладким грехом остро пахнет казённая холостяцкая постель.

Как всегда в это время, входная дверь была заперта, а стучаться бесполезно – старая хрычёвка ревниво берегущая честь молодых парней, ни за что не впустит, да ещё и поднимет скандал.

Потоптавшись возле запертых дверей, Кирилл достал складной нож с длинным тонким лезвием и осторожно просунул лезвие между створкой.

– Т-с-с! – прижал он озябший палец к губам, оборачиваясь к девушке. – Вахтёрша теперь дрыхнет без задних ног. Наглоталась вермута. Матрёна всегда, когда дежурит в ночь, то принимает на дряблую грудь, чтобы совладать с бессонницей. Попробую сделать фокус!

Он лезвием поддел крючок в дверях и, слегка шевельнув створку двери, освободил её. Вход был свободен!

– Как же я!.. Там Федя. Я его боюсь! – Дина придержала Кирилла за руку. – Может, не надо?!

Действительно, до парня только теперь дошло, что спать в одной комнате с Федулой, его девушка, ну никак не может! Хотя у них в общежитии случалось всякое.

– Не бойся! Я буду рядом! Федула спит! А мы – потихоньку, потихоньку... А то будут лежать здесь у порога две замёрзших ледяшки – это мы с тобой. Пойдём, трусиха! – Кирилл подхватил под руку девушку и они, как ночные тени, прошмыгнули внутрь.

Спросонку недовольно скрипнула старая деревянная лестница, и они уже – вот они! На втором этаже. Из двери напротив пробивается защемленная полоска света, значит, Федула, его сосед, не спит.

Это так озадачило Кирилла, что он в нерешительности остановился:

– Н-да! Вот кому не спится в ночь глу-хую! – сказал он с растяжкой. – Ты пока постой здесь, а я всё улажу с этим стражем ночи! – Кирилл попридержал девушку за плечо, приоткрыл тихонечко дверь и заглянул внутрь.

Кровать соседа была аккуратно заправлена, полотенце, сложенное треугольником в виде солдатского письма лежало на одеяле, что красноречиво говорило об отсутствии хозяина и не могло не удивить Кирилла – Федула, обычный домосед, и вдруг, в столь позднее время, не дома.

До Кирилла сразу даже не дошло, что теперь-то всё складывается так удачно и его девушка может остаться на ночь без помех здесь, в этой комнате вместе с ним. Судьба как будто сама уготовила неожиданную, полную невозможных ощущений предстоящую близость.

Кирилл молчаливым жестом поманил девушку за собой.

Как только Дина переступила порог, он тот же час защёлкнул за ней замок во избежание неожиданного появления так удачно исчезнувшего соседа.

«Как-нибудь объяснюсь потом, если Федула нагрывает, но впускать его не буду... Ни за что ни буду! – решительно рассудил Кирилл. – Небось, в соседней комнате, у маляров переночует. Ничего с ним не сделается»

Каким образом он мог молотобойцу Федуле помешать войти в свою комнату, Кирилл не задумывался.

Тот мог в случае чего и по шее надавать, предотвращая моральное падение своего младшего соседа. Федула такие игры не любил и другим советовал в это самое так просто не играть. Что-что, а нравственный закон был для него, по крайней мере, в этой части незыблем.

Но, что говорить о нравственности, когда тебе нет ещё и двадцати лет, а гормоны играют, как целый воинский оркестр, и на всех инструментах? И кто скажет, что такое в любовных отношениях двух молодых людей нравственно, а что безнравственно? Каждый помнит свою заревую, соловьиную юность, и у каждого было что-то подобное, если хорошенько освежить память сквозняком прожитых лет.

Дина, как вошла, так и осталась стоять в нерешительности у порога, прислонившись головой к дверному косяку, только руки её бессознательно скручивали и раскручивали концы вязаного шарфа, выдавая охватившее её волнение.

Кирилл, медленно соображая, что ему делать дальше, подошёл к столу.

Было видно, что и он сразу, как только защёлкнул замок на двери, осознал всю ответственность за дальнейшую неотвратимость событий, которые в одно мгновение изменят их, до сегодняшнего дня, неопределённые отношения, и боялся этого.

На непривычном голом и чистом столе лежал лоскуток тетрадного листа с расплзающимися в разные стороны буквами: «Срочно уехал в деревню. Мать заболела. Скажи Петровичу, инженеру нашему, чтобы он мне оформил отпуск за свой счёт на месяц. Да смотри, не балуй! Фёдор».

Всё сошлось в этом мире и стихло, как говорил один поэт.

Это был подарок судьбы! Вернее, судьба распорядилась Федулой так, что он, сам не ожидая этого, явился незримым свидетелем на чужом празднике жизни.

Кирилл не сразу осознал, что ему больше всего мешает в данный момент, словно он стоит на базарной площади, окружённый любопытным народом.

Свет! Конечно свет! Он лихорадочно шлёпнул ладонью по выключателю, и всё стало на свои места. Ночная тьма – хорошая сводня! Наверное, именно за это её так обожают влюблённые. Ни одна пара в мире, растворяясь в её объятьях, вдруг обнаруживала себя – два в одном.

– Раздевайся! Чего ты? – с одышкой прошептал Кирилл, обжигая своим дыханием девушке ухо.

Её шарф, шапка, и шубка, и она сама почему-то сразу оказались в его руках.

Радостно взвизгнула кровать. Ударил в ноздри остро-горчичный запах её духов, а может так пахли её груди, в глубокую цезуру которых зарылся Кирилл, охваченный неистовым желанием – измять, раздавить, поглотить прильнувшее к нему существо.

Он задышался от нехватки воздуха, запёртый в податливых и влажных теснинах, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот проснутся в соседней комнате маляры и будут выламывать дверь, чтобы заглушить этот стук, нечаянно разбудивший их среди ночи.

Всё случилось так, как и должно случиться. Ничего нет и не будет нового в этих убогих барачных стенах мужского общежития...

И мы не будем соглядатаями, дабы сердце не наполнилось завистью.

Только одно надо сказать – ночь для них сегодня не окажется длинной.

Молодость не знает греха. У молодости есть подаренная самой жизнью индульгенция, иначе молодость не была бы тем, о чём с такой грустью и нежностью вспоминается на закате дней: юность, весенняя утренняя зорька, потягивание румяного солнца над кромкой луга... «Выткался на озере алый цвет зари...» Да что там говорить! «С ненаглядной певуньей я в стогу ночевал...». Соловьиная пора! «Не догорев, заря зарёй сменялась. Стояла в небе полная луна и, запрокинув голову, смеялась, до слёз смеялась девочка одна...».

Отмахнёшь рукой воспоминания, и только от прошлого влага останется на щеке.

4

Это только так говорится, что человек хозяин своей судьбы. Ложь! Материалистическое заблуждение! Если хочешь рассмешить Бога, – Расскажи ему свои планы на завтрашний день.

После того случая у Кирилла началась совсем новая жизнь.

Нельзя сказать, что беззаботная, но и не отягощенная никакими обязательствами.

Договориться на вахте с дежурными не составило никакого труда. Обычный взнос – кому бутылка водки, кому коробка конфет – и в любое время проход для его девушки был свободен. Свободна была и комната, в которой жил Кирилл: Федула гостил на родине, а вернувшийся вдруг из командировки его друг Яблон, теоретик подобных дел, весело хмыкнул, поймал протянутую Кириллом пятерню и после стакана водки без предъявления претензий перебрался на пустовавшую койку к малярам.

Все ночи превратились в одно сплошное торжество жизни.

Правда, с утра на работе ему теперь приходилось бороться со сном, а вечером – с обуревавшими его с недавних пор такими желаниями, о которых вслух не говорят.

– В хомуте спишь? – шлёпнул его по плечу бригадир тяжёлой, как обрезок листового металла, пятернёй. – На высоте будь повнимательней, а то себя уронишь, монтажник хренов!

Кирилла настолько одолела сонная приливная волна, когда он на высоте 30 метров стягивал рожковым ключом болтовое соединение трубопровода, что он, зацепившись страховочным фалом за балку пролёта фермы, аккуратно угнездился возле колонны и заснул без сновидений сном праведника.

Пришлось бригадиру снимать его с высотных работ до особого распоряжения.

Кирилл ещё легко отделался. За такие вещи монтажников с площадки в шею гонят. А тут бригадир пожалел:

– Ступай, работай внизу на подхвате, грёбать областной, пока в норму не войдёшь! Парень ты хороший, а с женским полом слабоват оказался. Гайки своей крале подкрути, чтобы дуже резво не гнала!

Кому крутить гайки, когда на двоих и сорока лет не наберётся, а кровать одна? Такая волна накатит, что на ногах не удержишься. А жажды эта волна не утоляет, только губы сушит.

Труднее всего было выпускнице музыкального училища, подружке и соучастнице во всех таких делах ненаглядного Кирюши – Дине. Занятия пропускать нельзя. Подготовку к урокам делать нужно? Нужно! А упражнения по специальности отрабатывать, кто будет? Пушкин? А там ещё свекровь стала с пристрастием приглядываться к молодой снохе, неудобные вопросы задавать, вроде, таких:

– Где ночь-то пропадала?

– У подружки к коллоквиуму готовились!

Что такое коллоквиум – тьфу ты, Господи, и не выговоришь! – старая женщина не знает. Но слово какое-то уж очень серьёзное! Наверное, важное, коль дочка по ночам книжки штудирует! Ладно, чего ей со старухой сидеть? Пусть учится!

– Что же ты, дочка, всю прошлую неделю дома не была? Я тебя, поджидаячи, блинков испекла... Ведь масленица стояла!

– А мы как раз к этим дням с группой студентов фольклор по дальним глухим деревням и сёлам записывали, народные песни, хороводы, свадебные и обрядовые ритуалы... Нельзя пропустить. Курсовую работу по народной музыке сдавать требуется... – пространно объясняет она.

А сама под ноги смотрит, вроде сапожки от снега очищает. Знает, что стыдно врать. А что поделаешь? Сама бы сквозь землю провалилась! Не расскажешь ведь, как хорошо было в тесноте Кирилловых рук, когда вся предыдущая жизнь, всё пространство сходилось в одной точке, где ликовали душа и тело в сладостной агонии любви.

Пелагея Никитична посмотрит внимательно на девушку, вздохнёт и ничего не скажет.

Чувствовала пожилая женщина, что сынок её за решёткой не просто так оказался. Не пьяное это дело, а совершенно другое. И секрета здесь никакого нет. Беда случилась сразу же, как только свадьба отгуляла. Ещё не успели остыть от венчальных песен бревенчатые стены дома, как печаль, словно жухлая пакля, законопатилла все щели. Куда ни посмотри – везде ветошь в глаза лезет, не сморгнёшь. Оттого и людям в глаза смотреть тошно.

– Здравствуй, Пелагея!

– Здравствуй, Марья!

И – всё! Отвернётся Пелагея Никитична от соседки и заспешит, засеменит, вроде дома молоко убежало или кликнул кто по неотложной надобности.

Что тут скажешь? Сын в тюрьме по хулиганскому делу сидит и молодой женой не успел натешиться. Всегда смирный ходил. Уважительный. А вот, поди, ж ты! И мать-старуху не пожалел. Теперь Пелагея и слезу не успеет просушить, как новая набегаёт... И, е-ех! Жизнь наша косолапая, всё в сторону заворачивает!

И пойдёт Марья, не оглядываясь, по своим делам, мысленно крестя перед собой дорогу; у самой сын тоже вот жениться хочет на залётной девице. А та, как коза строптивая! Кабы, чего не вышло! Осподи, Осподи, пронеси чашу греха мимо! Надо бы свечку поставить Николаю Угоднику... Попросить ходатая перед Богом, чтобы девицу эту к нашему дому не допустил. Растила, растила сына, и – на тебе! К чужой юбке спешит прислониться, поганец!

Плюнет Марья через правое плечо бесу в глаза: «Не смущай грехом людей православных!»

Марье ещё ничего, всё впереди, а вот Пелагеи тошно – сын за решёткой, сноха молодая может правду говорит (хорошо бы), а может дурью мается от избытка в грудях и теле...

Ах, если бы хоть чуточку, хоть краешком глаза Пелагея Никитична увидела «коллоквиум» своей недавней постоялицы, а теперь сношеньки, девочки ладненькой, как скрипка Страдивари, кислотой крепче «царской водки», которая запросто разъедает серебро и платину,

обожгло бы золотое сердце старой женщины, и оно бы распалось от горечи и невозможности что-либо исправить.

Что упало, то пропало. Пропало, закатилось под половицы счастье материнское. Ах, Дима, Дима, что-то теперь будет?

А что случится, что будет там, за стальной решёткой, где глаз надзирателя зрит неусыпно, а голос конвоира заглушает все крики души?

Ничего не случится.

И слава Богу! Иначе зубами перетёр бы стальные прутья Дмитрий Космынин, чтобы посмотреть в тёмные, омутовые глаза молодой жены. Посмотрел бы и снова ушёл за каменные стены узилища, чтобы до конца жизни не встречать и не видеть этих, таких невозможных, таких обманчивых глаз, в которых он утопил себя.

Но никогда в жизни ныне заключённый Дмитрий Павлович Космынин не встретит и не увидит тех глаз и не насладится торжеством отказа от их губительных чар, потому как в мире правит случай.

А случаи бывают разные – один споткнулся, и нашёл ключ от того места, где деньги лежат, а другой споткнулся и шее вывихнул.

Хотя случай, как говорят очень умные люди – философы, есть квинтэссенция закономерности, её зерно, ядрышко.

Так то!

5

Пока Пелагею Никитичну одолевали невесёлые мысли и сомнения, пока она выискивала в словах своей молодой снохи правдивые оправдания, Кирилл и Дина, уединившись от всего мира за шаткой дверью барачной комнаты рабочего общежития, отдавались тому зову, который, заглушая все звуки разума, не обошёл каждого живущего на этой земле.

Пока торопливо проворачивался ключ в замочной скважине, а время для них уже оставливалось свой ход.

Поди, спроси влюблённую парочку сидящую на лавочке под золотым клёном осени или вот этих; прикипевших друг к другу школяров, юнцов – одноклассницу с одноклассником в полумраке тесного подъезда, – который час? В лучшем случае получишь недоумённое молчание, подтверждающее банальную истину, что счастливые – часов не наблюдают.

Как в песне: «...Приду домой, родные спросят – где дочь гуляла? Где была?»

– Кирюша, родненький, отпусти меня! Не трожь больше! Мне к хозяйке пора! – Дина с недавнего времени снова Пелагею Никитичну стала называть хозяйкой, а не свекровью. – Как же я перед ней стоять буду? Что скажу? Включи свет, я на часы посмотрю!

В комнате тихо, ослабленная панцирная сетка на солдатской койке временно отдыхает, на полу стелется самотканый половичок из отливающего серебром голубоватого лунного сияния, это в единственное не зашторенное окно, выламывая раму, во все глаза таращится любопытница в морозном кружале.

У, старая сводница! Сгинь, скройся, пропади! Не буди в молодых душах сомнения в своих поступках.

Молодость всегда права, она ещё, эта молодость, нагрузится думками в старости, накуется в одиночестве, наплачется и нарыдается.

Это верно во все времена и во все эпохи так же, как земля вращается вокруг солнца.

Кирилл зажимает ладошкой девушке рот, целует в глаза, на губах шорох её ресниц, словно проснулись бабочки лета и пробуют на взлёте свои помятые снегобом крылья.

Невозможное просит Дина, невысказанное! Да он и не держит её! Поверни ключ, и ты свободна. Десяток шагов до вахтёрши. А та – с понятием, сама по молодости голову теряла, Что ж, женское дело – известное! Рубль за вход, а два рубля за выход...

Как в песне: «... А я скажу – в саду гуляла, домой тропинки не нашла!»

И забудет выпускница музыкального училища все сроки, отведёт от своих губ горячую ладонь Кирилла и, запрокинув голову, отдаст ему всю себя, ни о чём не жалея. И зажмурится смущённая ночная сваха, западёт за тучку, а там и рассвет поднимается с потягом, хоть и долгий, зимний, а неминуемый.

Утром, наскоро, чтобы прогнать ночные наваждения, Кирилл опалит небо горячим до невозможности чаем, и, рассасывая с глубокими затяжками сигарету, приобнимет в помятой постели Дину. Потом – на работу, в свой «Шараш-монтаж», в контору, где плоское катают, круглое таскают, а что не поддаётся – ломиком!

Дина слегка поправит перед засиженным мухами зеркалом со щербинкой причёску, промокнёт платочек в дегтярном чае, протрёт им личико и, тоже в дверь потихоньку, на цыпочках, бочком-бочком мимо старой ведьмы, у которой в это время самый, что ни на есть, сладкий сон.

Куда идти в такую рань? Занятия в училище во вторую смену, библиотека работает только со второй половины дня, остаётся нести повинную голову к Пелагее Никитичне, которая в последнее время стала как-то по-особому приглядываться к своей сношеньке.

Раньше такого не замечалось. Доченькой звала. Дюймовочкой. Цветиком ненаглядным...

Что делать? Шило в мешке не утаишь, а попробовать ещё раз стоит. Стыдно врать, но другого выхода не придумаешь. Попробую, наверное...

Дорога к дому быстрая, хоть и не близкая. Ещё не нашлись и первые слова, а дверь уже – вот она! Тяжёлая. С места не стронешь. Потянула на себя ручку, а дверь-то сама и открылась, да так быстро, что Дина чуть не опрокинулась навзничь перед своей свекровью, – лицо строгое, сухое, глаза красные от бессонной ночи, скорбь в тех глазах и влага непрорыхляемая.

– Вот что, девка, по всему виду ты не мужняя, себя блюсти никак не можешь! Возраст твой, конечно, молодой! Димушки, сынка моего, я думаю, тебе не дожидаться. Не прячь глаза! Вижу, вижу! Приглядчивая ты... В теле женском... Красивая... А нам красивая – ни к чему. С лица воды не пить. Вот тебе – слова мои! А вот – чемодан с вещами! Там всё по порядку выложено. Можешь проверить. За книгами, уж очень они мне были несподручны, ветродуя своего пришли. Не крутись, не крутись! Знаю. Сама видала, как вы с ним кружева возле училища плели. Тьфу, ты! Срамота одна! Бери, бери свой чемодан! Вот – Бог, а вот – порог! И судья тебе навстречу! – Пелагея Никитична, как ни тяжёлый был ей этот разговор, спокойно выставила на веранду чемодан, давая понять девушке нежелательность её пребывания в этом доме.

Что тут скажешь? Права или неправа Пелагея Никитична так поступать с девушкой, не знаю, но наверное, совершенно права, – скажут мне сотни матерей, посмотревшись на своих сношенек не совсем строгого поведения.

«Квелье пошли мужики! Квелье! – судачат в досужих разговорах старухи. – В наше время такой девке подол бы завязали на голове, да вожжами по тому месту, которое зудит! А сегодня – что? Проморгают глазищами свой позор, и снова: «Голубка моя сизокрылая! Радость моя!» – А те опять на чужой сучок смотрят, где бы своё гнездо пристроить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.